[redacted]

Е. Звягинцевъ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ девятнадцатаго вѣка.

Изд. „Донская Рѣчь"
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

„Пг- в 38“

Дозв. цензурою 29 ноября 1904 года. Ростовъ на Дону.

71322

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь“.
1904.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ девятнадцатаго вѣка.

Е. Звягинцевъ.

Первые годы царствованія Александра I.

I.

Судьба русской общественной мысли и общественнаго движенія въ Россіи за первую четверть XIX вѣка имѣетъ особую поучительность. Въ довольно короткій періодъ пробудившіеся общественные инстинкты дали возможность сформироваться широкому общественному мнѣнію, которое пріобрѣло за послѣдніе годы указаннаго періода опредѣленную политическую окраску. И эта окраска, и роковой практическій исходъ движенія, и самыя заблужденія многочисленныхъ его участниковъ представляютъ для нашего времени значительный интересъ. Теперь, почти столѣтіе спустя, можно безпристрастно разсматривать общественныя теченія и событія той эпохи. Въ предлагаемой брошюрѣ мы вкратцѣ сообщимъ нѣкоторые факты изъ этой исторіи русскаго общества въ царствованіе императора Александра I.

Чтобы понять благопріятныя условія, которыя создали въ началѣ прошлаго вѣка почву для сознательнаго обще-

ственнаго отношенія къ русской дѣйствительности, нужно вспомнить, какое вліяніе имѣлъ предшествовавшій XVIII вѣкъ на просвѣщеніе и на умственное развитіе русскаго дворянства. Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка во многихъ дворянскихъ семьяхъ воспитателями и учителями дѣтей были иностранцы, чаще всего французы: быть можетъ, большинство этихъ выписныхъ педагоговъ были не въ состояніи дать своимъ ученикамъ какихъ-либо положительныхъ знаній и не могли имѣть на нихъ облагораживающаго нравственнаго вліянія. Но нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, были люди съ образованіемъ и дѣйствительно знакомили своихъ учениковъ, а черезъ нихъ и все русское общество съ западно-европейской наукой. Чтеніе книгъ и поѣздки за границу молодыхъ дворянъ доканчивали дѣло: основы точныхъ, философскихъ и общественно-политическихъ наукъ постепенно стали усваиваться русскимъ обществомъ, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ. Тогдашнее же состояніе наукъ и литературы, чуждое болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, національнаго, способствовало особой легкости перенесенія научныхъ и философскихъ выводовъ съ французской или нѣмецкой почвы на русскую. Не забудемъ далѣе, что сама Екатерина II много содѣйствовала этому усвоенію западной науки, особенно въ первую половину своего царствованія, своими заботами о просвѣщеніи и своею популяризаціей самыхъ передовыхъ французскихъ мыслителей. Правда, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ событій французской революціи, она не была склонна къ дальнѣйшему распространенію французскихъ идей и тѣмъ болѣе къ примѣненію ихъ въ русской жизни. Но разъ возникшее идейное броженіе не могло исчезнуть; въ екатерининскую эпоху успѣлъ выработаться въ русскомъ обществѣ—хотя бы въ ограниченномъ кругу—своего рода вкусъ къ идейной пищѣ, интересъ къ западно-европейской философіи и литературѣ. Этихъ умственныхъ запросовъ не заглушило даже четырехлѣтнее царствованіе Павла I, хотя онъ сдѣлалъ, казалось, все для того, чтобы ограни-

чить Россію отъ «бунтарскаго» запада и обезпечить ее отъ наплыва разрушительныхъ, по его мнѣнію, мыслей (напр., полное запрещеніе ввозить какія бы то ни было иностранныя книги, запрещеніе ѣздить за-границу, закрытіе частныхъ типографій и т. п.). Въ небывалой суровости порядковъ, заведенныхъ императоромъ Павломъ, люди, знакомые съ освободительными идеями, усматривали наглядное доказательство правильности своихъ теорій. Карамзинъ на своемъ своеобразномъ языкѣ отмѣчаетъ слѣдующую любопытную черту въ общественномъ настроеніи при Павлѣ I: «въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію чужеземцевъ, Россія даже не боялась и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушило голосъ личной осторожности». Это же настроеніе способствовало болѣе глубокому усвоенію тѣхъ самыхъ идей, которыя раньше воспринимались лишь поверхностно. Поэтому, когда въ мартѣ 1801 года вступилъ на престолъ 24-лѣтній Александръ Павловичъ и объявилъ, что онъ будетъ царствовать по сердцу и законамъ своей бабки Екатерины II, то сознательная часть образованнаго русскаго общества, вздохнувъ свободнѣй, стала задумываться о средствахъ предупрежденія проявленій власти подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто въ предшествовавшее 4-лѣтіе; эта часть общества серьезно стала выражать сомнѣніе, чтобы власть, предоставленная самой себѣ, могла успѣшно достигать своей истинной цѣли—общественнаго блага; начинали убѣждаться, что для нея необходимы извѣстныя границы. Подобныя сомнѣнія и предположенія раздѣлялъ и самъ молодой императоръ, получившій довольно хорошее по тому времени образованіе и перенесшій на собственныхъ плечахъ тяжелое бремя подозрительности и суровости своего отца Проводникомъ европейскихъ идей для императора Але-

ксандра былъ швейцарецъ Лагарпъ, республиканскаго образа мыслей. Въ желаніи создать на будущее время какой-либо прочный, разумный порядокъ вещей сходились наиболѣе образованные люди различныхъ поколѣній и при томъ встрѣчали, казалось, поддержку государя, который тотчасъ же по восшествіи на престолъ довольно опредѣленно заявилъ о своихъ симпатіяхъ, отмѣнивъ рядъ указовъ и распоряженій императора Павла. Молодой государь окружилъ себя людьми, совершенно раздѣлявшими его мысль о томъ, что въ основу всей правительственной дѣятельности должно положить принципъ *законности*. Въ первые же дни послѣ вступленія на престолъ Александръ I нѣсколькимъ тысячамъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, выключенныхъ со службы при его отцѣ, возвратилъ прежнія права, нѣсколько сотъ лицъ возвратилъ изъ ссылки, освободилъ изъ заключенія и изъ подъ полицейскаго надзора, объявилъ амнистію бѣглецамъ, укрывшимся за границу, снялъ запрещеніе съ ввоза товаровъ и книгъ изъ за границы, разрѣшилъ ѣздить за границу и т. д. Вскорѣ былъ изданъ указъ объ уничтоженіи пытки; въ указѣ повелѣвалось, чтобы «самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной». 2 апрѣля 1801 года изданъ манифестъ объ уничтоженіи «тайной экспедиціи» по политическимъ дѣламъ; манифестъ этотъ, равно какъ и другіе, проникнутъ ясной мыслью о законности, какъ главномъ устоѣ государственныхъ порядковъ. Въ рескриптѣ графу Завадовскому объ устройствѣ «Комиссіи составленія законовъ» современники съ чувствомъ удовлетворенія прочитали слѣдующіе строки: «Поставляя въ *единомъ законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ и на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія Моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удо-

стовѣриться въ настоящей части сихъ положеній». Въ іюнѣ 1801 года было приступлено къ преобразованію сената, при чемъ самому сенату приказано было представить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ; такой опросъ учрежденія казался новымъ и многообѣщающимъ. Однимъ словомъ, первые шаги новаго государя рѣшительнымъ образомъ поощряли русское образованное общество въ его надеждахъ на осуществленіе началъ гуманности и законности, обезпеченныхъ соотвѣтственными учрежденіями. Этими надеждами увлекались даже люди, никогда раньше не помышлявшіе о какихъ-либо коренныхъ измѣненіяхъ стараго порядка.

Какъ увидимъ дальше, надежды оправдались очень мало. Одною изъ причинъ этого былъ личный характеръ императора. Онъ обладалъ такими душевными качествами, которыя пріобрѣтали ему глубокую и всеобщую симпатію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря условіямъ его воспитанія, онъ былъ очень нерѣшителенъ; нерѣшительность его была отличительной чертой, которая въ корнѣ уничтожала всѣ его искреннія намѣренія и широкіе замыслы. Къ тому же, онъ вмѣстѣ съ большинствомъ тогдашнихъ образованныхъ людей раздѣлялъ одно свойство, которое мѣшало ему и его сподвижникамъ воплотить въ жизнь то, что такъ заманчиво и стройно было въ благородныхъ мечтахъ. Свойство это вытекало изъ чрезмѣрной общности идей, усвоенныхъ русскимъ образованнымъ обществомъ, и незнанія русской подлинной жизни. Отъ возвышенныхъ представленій о человѣкѣ и государствѣ въ умахъ тогдашней интеллигенціи не было прямого перехода къ будничной дѣйствительности. Міръ самыхъ лучшихъ понятій и идей существовалъ самъ по себѣ, а традиціонныя отношенія къ русской жизни—сами по себѣ. Исповѣдуя самыя передовыя ученія въ теоріи, русскіе люди почти не замѣчали, что ихъ собственное поведеніе совершенно несогласовано съ этими ученіями. Это проистекало не изъ сознательнаго лицемѣрія, а изъ естественнаго разлада между привитыми

путемъ образованія понятіями и вѣковыми привычками, сложившимися подъ вліяніемъ всей совокупности отечественныхъ условій. Люди, искренно признававшіе себя сторонниками прогресса, на дѣлѣ заявляли себя противниками какихъ бы то ни было улучшеній; слезливая чувствительность при чтеніи книгъ не исключала патріархальной жестокости въ пониманіи окружающаго быта; Карамзинъ серьезно называлъ себя республиканцемъ и поклонникомъ Робеспьера, и въ то же время столь же серьезно возмущался сужденіями о необходимости уничтожить крѣпостное право въ Россіи. Эти черты, присущія умственному складу русскаго образованнаго общества конца XVIII и начала XIX вѣка, существеннымъ образомъ повліяли на положительные результаты, какіе получились въ первые годы царствованія Александра I. Несмотря на рѣдкій подъемъ настроенія въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ, настроенія чрезвычайно благопріятнаго для введенія реформъ, практическое и положительное значеніе этихъ годовъ царствованія было гораздо меньше, чѣмъ могло бы быть при другихъ условіяхъ. По мѣрѣ того, какъ стали забываться впечатлѣнія отъ исключительныхъ мѣръ и суровости павловскаго царствованія, по мѣрѣ того какъ сталъ сглаживаться изъ воспоминаній личный страхъ передъ произволомъ, сталъ глохнуть и жизненный интересъ къ практическому разрѣшенію политическаго вопроса и тѣмъ болѣе утрачивалась способность отстоять свои попытки отъ нападеній и противодѣйствія защитниковъ старины, провести тотъ или другой планъ преобразованій черезъ всѣ трудности, неизбѣжныя во всякомъ крупномъ дѣлѣ. Этимъ же объясняется и ничтожность мѣръ, принятыхъ для ограниченія крѣпостного права, несмотря на весь либеральный характеръ тѣхъ общихъ понятій и идей, какія были усвоены тогдашнимъ обществомъ.

Во главѣ преобразовательной дѣятельности въ 1801—1803 гг. стоялъ кружокъ первыхъ ближайшихъ друзей императора Александра: Новосильцова, Кочубея, гр. Строга-

нова и кн. Чарторыйскаго. Всѣ называемыя лица получили аристократическое воспитаніе того времени, законченное путешествіями и жизнью заграницей. Новосильцовъ, самый старшій изъ нихъ по лѣтамъ и какъ говорятъ, самый талантливый, увлекался англійской жизнью и учрежденіями, съ которыми онъ близко познакомился за время своего 4 лѣтняго пребыванія въ Англіи. Кочубей оканчивалъ свое воспитаніе сначала въ Женевѣ, а потомъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ занимался политическими науками, Гр. Строгановъ получилъ французское воспитаніе; говорятъ, что его наставникомъ былъ Роммъ, который потомъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ одинъ изъ дѣятелей французской революціи. Блестящее воспитаніе получилъ и Чарторыйскій. Эти сотрудники составили особый «комитетъ» для помощи государю «въ систематической работѣ надъ реформой безобразнаго зданія управленія имперіи». Въ этомъ комитетѣ рѣшено было «предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи, и наконецъ увѣнчать всѣ эти различныя учрежденія обезпеченіемъ, которое можетъ представить уложеніе, установленное на основаніи истиннаго народнаго духа». Въ многочисленныхъ занятіяхъ этого неофиціальнаго комитета задумано было много благопріятныхъ и коренныхъ реформъ, но на самомъ дѣлѣ работы свелись къ очень скромнымъ результатамъ. Единственнымъ солиднымъ плодомъ комитетскихъ плановъ явилось учрежденіе министерствъ. Такимъ образомъ, лишь исполнительная власть получила новое устройство. Для организаціи участія общественныхъ силъ страны въ законодательствѣ, какъ предполагалось въ бесѣдахъ комитета, ничего не было предпринято. Правда, и упорядоченіе управленія путемъ учрежденія министерствъ составляло шагъ впередъ: петровскія коллегіи, вмѣсто которыхъ были учреждены министерства были фактически уничтожены еще при Екатеринѣ II и съ тѣхъ поръ ничѣмъ не были замѣнены. За отсутствіемъ опредѣленныхъ установленій центральное управленіе лишилось правильнаго порядка, и его отдѣльныя отрас-

ли случайно растасовывались по рукамъ вельможъ. Путаница, медлительность въ разрѣшеніи дѣлъ, слѣпая игра случая—неизбѣжно сопровождали такую неупорядоченность центральнаго управленія; теперь образованіе министерствъ создавало «точно очерченныя русла для направленія дѣлопроизводства». Но если сравнить это образованіе министерствъ съ мечтами о полномъ государственномъ преобразованіи, то оно покажется дѣломъ совершенно второстепенной важности. Столь же скромны были попытки комитета разрѣшить и крестьянскій вопросъ.

II.

Сперанскій и Карамзинъ.

Съ распаденіемъ и прекращеніемъ совѣщаній неофиціальнаго комитета въ концѣ 1803 года не прекратились попытки императора Александра I совершить серьезныя преобразованія государственныхъ учрежденій въ Россіи.

Въ періодъ 1809—1811 гг. мы видимъ новый подъемъ реформаторской работы правительства, когда правой рукой государя дѣлается извѣстный М. М. Сперанскій; въ этотъ періодъ предпринимаются реформы, подготовительныя къ введенію въ странѣ свободно законныхъ, какъ тогда выражались, учрежденій, и изготовляется общій планъ преобразованія всего государственнаго строя, начиная отъ центральныхъ органовъ власти и кончая низшими единицами мѣстнаго управленія. Эти подговительныя реформы, проведенныя въ жизнь, были незначительны, по сравненію съ тѣмъ, что задумывалось, и либеральная часть общества видѣла въ нихъ тогда, какъ и впослѣдствіи, только предверіе болѣе крупныхъ и значительныхъ преобразованій; такой смыслъ реформъ былъ ясенъ для тѣхъ, кто тогда вдумывался въ нужды нашей родины, кто заглядывалъ дальше сегодняшняго дня; нечего и говорить, что передовые элементы общества были цѣликомъ на сторонѣ дѣятельности Сперанскаго, и наоборотъ, косные элеемнты

затаили противъ него безсильную злобу, которая впослѣдствіи сумѣла при помощи клеветы свести на нуль всѣ его проекты. Однако, эти проекты имѣли въ исторіи русскаго общества большое значеніе въ воспитательномъ отношеніи; вниманіе образованныхъ людей привлекалось къ вопросамъ государственнаго строя, и немногочисленная группа лицъ, сознавшихъ необходимость крупныхъ перемѣнъ въ этомъ строѣ постепенно разросталась.

Изъ широкихъ замысловъ императора Александра и Сперанскаго было осуществлено преобразованіе государственнаго совѣта и министерствъ, которыя и до настоящаго времени остаются почти въ такомъ же видѣ, какой имъ приданъ въ 1810—1811 гг.; далѣе было утверждено въ законодательномъ порядкѣ преобразованіе сената, но оно фактически не состоялось по различнымъ причинамъ и прежде всего вслѣдствіе паденія въ 1812 году самого Сперанскаго; къ названнымъ преобразованіямъ примыкаютъ нѣкоторыя менѣе значительныя мѣропріятія, разработанныя и осуществленныя Сперанскимъ. Въ основѣ всѣхъ этихъ мѣръ лежала мысль объ осуществленіи въ недалекомъ будущемъ—«истинной монархіи», о проведеніи принципа законности въ странѣ въ противоположность «произволу правленія» прежняго времени. Достаточно сказать, что въ основу преобразованія министерствъ по проекту Сперанскаго должна была лечь конституціонная идея дѣйствительной отвѣтственности министерствъ. Все образованіе государственнаго совѣта носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ русскомъ общественномъ устройствѣ, начиная съ первой главы, носившей наименованіе «коренные законы государственнаго совѣта». Совѣтъ и Сенатъ были названы «верховыми сословіями», т. е. получили названіе, которое въ другихъ странахъ выражало извѣстную представительную дѣятельность общества. Въ своей знаменательной рѣчи при открытіи совѣта 1 января 1810 года Императоръ Александръ между прочимъ заявилъ: «Не частными исправленіями, не подробностями

многосложными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобъ благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ. Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ кои войною и внѣшними происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли». Великая цѣль заключалась въ постройкѣ новаго огромнаго зданія, для котораго образованіе государственнаго совѣта было только однимъ изъ краеугольныхъ камней. Въ отчетѣ своемъ государю за 1810 годъ Сперанскій выразился такъ о значеніи реформы государственнаго совѣта: «тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается только начало». Дѣйствительно, по общему плану преобразованій, представленному Сперанскимъ Государю еще въ 1809 году, государственный совѣтъ былъ лишь однимъ изъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, облеченнымъ *законодательной* иниціативой. Рядомъ съ нимъ и съ сенатомъ, который долженъ былъ стать высшей *судебной* инстанціей, было предположено учрежденіе государственной думы съ значеніемъ *законодательнаго* собранія. Она должна была составиться изъ депутатовъ, избираемыхъ на три года отъ всѣхъ свободныхъ классовъ на мѣстахъ въ губерніяхъ. Предсѣдатель думы назначается изъ трехъ кандидатовъ, выбираемыхъ собраніемъ.

Законы предлагаются вообще правительствомъ; они обсуждаются въ государственной думѣ и утверждаются императоромъ. Законъ, отвергнутый большинствомъ голосовъ въ думѣ, остается недѣйствительнымъ. Дума получаетъ отчеты отъ министровъ. Въ случаѣ явнаго нарушенія государственной конституціи, дума имѣетъ право требовать отвѣта у министровъ и дѣлать по этому поводу

представленія престолу. Никакой новый законъ не можетъ быть обнародованъ безъ участія думы. Всѣ законы финансовые, установленіе новыхъ налоговъ какого бы то ни было рода, должны быть обсуждаемы въ думѣ.

Дума собирается ежегодно, въ извѣстный срокъ, безъ всякаго особаго по этому поводу распоряженія. Засѣданія продолжаются сообразно количеству разсматриваемыхъ дѣлъ. Полномочія думы прекращаются или отсрочкой до слѣдующаго года или распущеніемъ,—то и другое совершается верховной властью, по представленію государственнаго совѣта. Государственная дума назначаетъ сенаторовъ.

Государь, государственный совѣтъ, государственная дума, сенатъ и министры—вотъ органы высшей власти, въ правильномъ взаимоотношеніи которыхъ Сперанскій видѣлъ необходимое условіе для существованія законнаго правленія, соотвѣтствующаго тогдашнему «состоянію общественнаго мнѣнія». Съ этими установленіями связывалась и коренная реформа мѣстнаго управленія. Имперія, по проекту Сперанскаго, дѣлилась на губерніи, губерніи на округа, а округи на волости. Во всѣхъ этихъ дѣленіяхъ устанавливались три параллельныхъ и независимыхъ ряда учрежденій: въ каждой волости изъ всѣхъ поземельныхъ собственниковъ составляется «волостная дума»; въ нее посылаютъ и казенные крестьяне своихъ депутатовъ, по одному изъ 500 душъ (крестьяне помѣщичьи, конечно, никакими политическими правами не пользуются); волостная дума назначаетъ членовъ волостного правленія (исполнительнаго органа по управленію волостью) и депутатовъ въ окружную думу. Окружная (уѣздная) дума выбираетъ членовъ окружнаго совѣта, какъ исполнительнаго органа, выбираетъ членовъ окружного суда, а также депутатовъ въ губернскую думу. Губернская дума выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, членовъ губернскаго суда и депутатовъ въ государственную думу.

Мы здѣсь не имѣемъ въ виду излагать всего проекта

Сперанскаго и его объяснительной записки; замѣтимъ только, что этотъ проектъ поражаетъ своею строгой выдержанностью общихъ основаній, стройной согласованностью частей, разнообразностью подробностей, обнаруживаетъ въ авторѣ большой запасъ творчества на ряду съ солиднымъ изученіемъ западно-европейскихъ политическихъ взглядовъ и опытовъ. Своими достоинствами и недостатками проектъ Сперанскаго указываетъ на усиленную работу политической мысли въ немногочисленномъ меньшинствѣ тогдашняго образованнаго общества и указываетъ направленіе этой умственной работы. Реформаторъ палъ. «Непосредственные практическіе планы не удались, личность стерлась, самая сфера потомъ совершенно измѣнилась, но идеи не погибли; онѣ нашли потомъ новыхъ приверженцевъ уже въ самомъ обществѣ»; пытавшемся во вторую половину царствованія Александра I осуществить тѣ планы, которые раньше задумывало само правительство въ лицѣ Сперанскаго.

Когда въ 1812 году на Сперанскаго его враги взвели гнуснѣйшую клевету, будто онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ «исчадіемъ французской революціи», Наполеономъ, онъ былъ отстраненъ отъ государственной дѣятельности и сосланъ. Паденіе Сперанскаго было встрѣчено одобреніемъ въ столицѣ и въ провинціи, среди крупнаго и мелкаго чиновничьяго міра. Но было бы ошибкой предположить, что преобразовательныя попытки Сперанскаго не пользовались сочувствіемъ въ образованномъ меньшинствѣ тогдашняго общества. Даже среди чиновниковъ въ такой обостренный моментъ, какъ время удаленія Сперанскаго, находились лица, заявлявшія о своей полной солидарности съ нимъ; такъ предсѣдатель Департамента Государственной экономіи Н. С. Мордвиновъ остался вѣренъ реформаторскимъ мыслямъ Сперанскаго и вслѣдъ за его паденіемъ самъ испросилъ увольненіе отъ должности и уѣхалъ въ деревню. Впослѣдствіи, когда прошелъ угаръ національной вражды къ Франціи и повышен-

ной подозрительности, идеи, которыми были проникнуты проекты Сперанскаго, манифесты и рѣчи, внушенные и написанные Сперанскимъ, стали усваиваться русскимъ обществомъ тѣмъ быстрѣе, что они казались осуществимыми самому правительству передъ 1812 годомъ. Они не осуществились по нѣсколькимъ причинамъ. Прежде всего, конечно, потому, что большая часть высшихъ сановниковъ и масса дворянства и второстепнныхъ чиновниковъ была нерасположена къ какимъ бы ни было новшествамъ; они считали *всякія нововведенія* и тѣмъ болѣе такія коренныя, какія проектировалъ Сперанскій, излишними, а самаго Сперанскаго называли опаснымъ «уновителемъ». Въ своемъ письмѣ Государю изъ ссылки (изъ Перми) Сперанскій въ 1813 году такъ объясняетъ дружныя возраженія, какими былъ встрѣченъ его проектъ преобразованія сената: «возраженія сіи, большею частію, происходили оттого, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, и разумъ людей, его составляющихъ, не довольно былъ еще пораженъ несообразностями настоящихъ вещей порядка». На помощь консервативному направленію обывателей того времени явилась теоретическая обосновка ненужности реформъ въ видѣ записки «О древней и новой Россіи» Карамзина. Въ названной запискѣ знаменитый историкъ доказываетъ, что все общепризнанное величіе Россіи, вся ея судьба заключается въ развитіи и могуществѣ установившагося государственнаго быта и, наоборотъ, всякое ослабленіе и ограниченіе его было бы гибельно для отечества. Исходя изъ этой мысли и доказывая ее разсмотрѣніемъ всего хода русской исторіи, Карамзинъ не только убѣждалъ государя отказаться отъ дальнѣйшихъ преобразованій (записка подана въ 1812 году), но и строго осуждалъ тѣ реформы, которыя уже были проведены. Все новое для него было дурно, все старое прекрасно: «съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокурорами у насъ шли дѣла, и прошло блестящее царствованіе Екатерины II»; всячески онъ доказывалъ ненужность министерствъ, мѣро-

пріятій по развитію народнаго просвѣщенія, вредъ указа объ экзаменахъ, опасность предположеній объ освобожденіи крестьянъ, неосновательность мѣръ финансовыхъ, законодательныхъ проектовъ. Учрежденія въ его глазахъ неважны; главное, необходимы люди честные и преданныя престолу; главный совѣтъ Карамзина—«искать людей», и не только для министерствъ, но и въ особенности на губернаторскія мѣста. Онъ полагалъ, что все пойдетъ отлично, если найдется 50 хорошихъ губернаторовъ: они обуздаютъ корыстолюбіе чиновниковъ, укротятъ жестокихъ господъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, сохранятъ пользу казны и народа: необходимо было бы, по его мнѣнію, этимъ хорошимъ людямъ-губернаторамъ предоставить полноту власти во всѣхъ отрасляхъ и мелочахъ управленія.

Записка Карамзина была подана только государю и оставалась неизвѣстной публикѣ. Но, понятно, ни самъ Карамзинъ, ни лица ему сочувствовавшіе, не скрывали своихъ симпатій и убѣжденій въ разговорахъ, въ дѣловыхъ преніяхъ и, если было возможно, въ литературѣ. Программа чувствительной преданности стариннымъ порядкамъ легла въ основу и Карамзинской «Исторіи государства Россійскаго». Авторитетомъ историка и его ученыхъ аргументовъ прикрывалась умственная лѣнь, и оправдывалось себялюбіе приверженцевъ застоя. Непониманіе преобразовательныхъ плановъ неоффиціальнаго комитета и Сперанскаго подъ вліяніемъ карамзинскихъ идей превращается въ сознательную защиту отживавшихъ нравовъ и преданій, въ защиту подъ высокимъ знаменемъ народности и національнаго достоинства.

Разъ сформировалось такое направленіе въ общественномъ мнѣніи и опредѣлилось такое одностороннее теченіе политической мысли, естественно должны были также опредѣлиться и выясниться въ обществѣ противоположныя воззрѣнія на судьбы Россіи вообще и на ближайшія задачи ея правительства и законодательства. Вы-

званные къ жизни правительственными планами, политическіе взгляды Карамзина и его сторонниковъ были одно время взглядами общественныхъ круговъ, не раздѣлявшихъ новаторскихъ (передовыхъ) стремленій правительства. Но какъ только послѣднее отрѣшилось на дѣлѣ отъ указанныхъ стремленій и болѣе или менѣе проникло карамзинскими мнѣніями, тотчасъ для общества оказалось неизбѣжнымъ самостоятельное широкое усвоеніе и аргументировка тѣхъ самыхъ принциповъ, которые одушевляли государя въ первые годы царствованія и въ періодъ могущественнаго вліянія Сперанскаго. Нужно прибавить къ этому, что, судя по нѣкоторымъ даннымъ, не всѣ враги Сперанскаго, ставшіе виновниками его паденія, руководились соображеніями о спасительности стародавнихъ русскихъ порядковъ и учрежденій. Есть основанія думать, что нѣкоторые изъ его ближайшихъ враговъ дѣйствовали противъ него и настраивали противъ него государя и общественное мнѣніе лишь потому, что его преобразовательные планы, какъ выскочки по происхожденію, казались слишкомъ демократичны; въ принципѣ ничего не имѣя противъ существеннаго ограниченія власти государя, люди этого рода думали лишь, что лучше было бы реформировать въ Россіи образъ правленія на аристократическихъ началахъ. Въ такомъ смыслѣ дѣйствовалъ среди аристократической молодежи того времени графъ Армфельдъ, пропагандировавшій, что аристократія должна и можетъ имѣть вѣсъ въ государственномъ управленіи, что, составляя цѣлое, аристократія получитъ значеніе. Какъ ни далеки подобныя вожделѣнія отъ воззрѣній Сперанскаго, однако они приковывали общественное вниманіе къ вопросамъ государственнаго устройства и подготовляли въ дальнѣйшемъ развитіе чисто гражданскаго смысла.

III.

Вліяніе отечественной войны.

Отечественная война и послѣдующія за ней событія еще болѣе увеличили воспріимчивость русскаго общества

къ новымъ политическимъ представленіямъ, ускорили ростъ общественныхъ инстинктовъ и расширили кругъ общественныхъ понятій.

Въ настоящее время намъ трудно представить во всемъ объемѣ тотъ глубокій психическій слѣдъ, какой неизбѣжно оставался въ душѣ каждаго русскаго очевидца и участника событій 1812—1815 гг. Война съ Наполеономъ, вторгнувшимся въ Россію послѣ ряда пораженій русскихъ войскъ за границей и послѣ покоренія огромной части Западной Европы, была народной борьбой въ собственномъ смыслѣ слова. Чувства національнаго самосохраненія и достоинства объединили всѣ слои населенія, породили по свидѣтельству современниковъ «доброе согласіе между всѣми состояніями». Французы были изгнаны изъ Россіи общими усиліями правительства, войска и народа; активное участіе народа въ этомъ изгнаніи приподняло общее настроеніе и, если оно не оказало замѣтнаго положительнаго вліянія на ближайшую судьбу народныхъ массъ, то это объясняется ихъ крѣпостнымъ состояніемъ, которое могло допустить проявленія національныхъ чувствъ лишь на короткое время борьбы съ Наполеономъ; почти тотчасъ послѣ окончанія войны приподнятое настроеніе въ народной массѣ исчезло. Гораздо глубже и шире было возбужденіе, произведенное двѣнадцатымъ годомъ и заграничными походами на образованную часть офицерства и дворянства. Правда, война и ея блестящій для русскихъ исходъ давали обильную пищу и самонадѣянному чувству и огульной враждѣ ко всему иностранному; изъ побѣдъ русскаго оружія и изъ отдѣльныхъ эпизодовъ колоссальнаго отпора, даннаго русскимъ народомъ величайшему полководцу,—почерпали для себя новыя доказательства также и сторонники неприкосновенности старинныхъ нравовъ и порядковъ. Однако, съ другой стороны, напряженный поединокъ съ Наполеономъ, долговременное пребываніе русскихъ войскъ за границей и освободительная роль Россіи въ 1813–1815 г. г., должны были подѣйствовать на непредубѣ-

жденные умы въ другомъ смыслѣ. Подъемъ общественнаго настроенія долженъ былъ сказаться на нравственной чуткости русскаго образованнаго общества къ отечественнымъ недостаткамъ и выразиться повышенной чувствительностью ко всему тому, въ чемъ русскій народъ стоялъ ниже западноевропейскихъ націй. Личное знакомство во время походовъ съ иными порядками и нравами, личное знакомство съ представителями передовыхъ общественныхъ и политическихъ теченій въ литературѣ, публицистикѣ и въ практической дѣятельности,—все это породило въ умахъ тогдашней молодежи цѣлый рой новыхъ общественно-политическихъ запросовъ и идей, занимавшихъ европейское общество. «Надо сказать,—вспоминаетъ одинъ изъ участниковъ походовъ кн. Волконскій,—что вообще все, что мы хоть мелькомъ видѣли въ 13-мъ и 14-мъ годахъ въ Европѣ, породило во всей молодежи чувство, что Россія въ общественномъ, внутреннемъ и политическомъ бытѣ весьма отстала и во многихъ вселила мысль поближе познакомиться съ Европой». Подъ вліяніемъ такой мысли многіе внимательно присматривались и изучали западно европейской бытъ, а нѣкоторые по окончаніи войнъ снова отправились за границу, для дальнѣйшаго знакомства съ европейской жизнью. Тотъ же кн. Волконскій въ 1815 году уѣхалъ за границу, по его словамъ, «съ твердымъ намѣреніемъ околесить всю Европу и даже съ предположеніемъ посѣтить и прочія части свѣта, особенно Американскіе Штаты, занимавшіе тогда умы нашей русской молодежи по ихъ самостоятельному быту и по демократическому политическому составу».

Пережитая благополучно встряска проложила въ сознаніе русскаго общества широкое русло для воспріятія идей и чувствованій, ранѣе запрещенныхъ или недоходившихъ до русскихъ людей. Пробудившаяся любознательность встрѣтила въ западно-европейской наукѣ и жизни богатый матеріалъ и при томъ во многомъ пригодный для примѣненія къ русской дѣйствительности; этотъ матеріалъ

не былъ чуждъ воспитанію и образованію полученному ранѣе аристократической молодежью и, наконецъ, напоминалъ какъ лучшую пору популярнаго екатерининскаго царствованія, такъ и наиболѣе привлекательныя заявленія императора Александра. Внутреннее содержаніе демократическихъ идей соотвѣтствовало также и тѣмъ обобщающимъ принципамъ, во имя которыхъ императоръ Александръ велъ войну съ Наполеономъ какъ въ Россіи, такъ и потомъ въ Европѣ. Не говоря уже о двѣнадцатомъ годѣ, когда война была народной обороной, а государь былъ вождемъ, въ послѣдующіе 1813—1815 г. г. императоръ Александръ призывалъ къ борьбѣ не только войска и правительства, но и самые народы. Извѣстный прусскій реформаторъ Штейнъ, бывшій близкимъ къ Александру лицомъ и вліятельнымъ совѣтникомъ въ этотъ періодъ, въ своей замѣчательной запискѣ 5 ноября 1812 года совѣтовалъ государю быть освободителемъ Европы, обращаясь къ народамъ и не довѣряя правительствамъ и, если возможно, овладѣвая правленіемъ. Въ воззваніи, изданномъ Кутузовымъ въ мартѣ 1813 года, отъ имени императора русскаго и короля прусскаго, говорилось объ освобожденіи Европы, о возстановленіи Германіи и объ устройствѣ ея въ духѣ нѣмецкаго народа, которое должно быть предоставлено нѣмецкимъ государямъ и «народамъ», говорилось, что лозунгъ монарховъ—«честь и свобода». Это довѣрчивое обращеніе къ народнымъ силамъ, вполнѣ потомъ оправдавшееся въ исключительной обстановкѣ, подтверждало въ глазахъ русской образованной молодежи справедливость западно европейскихъ надеждъ на народную и общественную самодѣятельность. На основаніи событій 12 года искренніе люди того времени, пробужденные къ сознательной жизни, могли дѣлать поучительныя сопоставленія образа дѣйствій народа и чиновнаго дворянства. Въ этомъ отношеніи любопытенъ разговоръ императора съ флигель-адъютантомъ Волконскимъ. Послѣдній, однажды въ 1812 году, прибылъ изъ дѣйствующей арміи въ Петербургъ къ

государю съ донесеніемъ отъ Винценгероде. Между посланнымъ Волконскимъ, будущимъ участникомъ роковыхъ событій 20-хъ годовъ и государемъ произошла слѣдующая краткая бесѣда. Государь спросилъ:—Каковъ духъ арміи?—Волконскій отвѣчалъ: «Государь! отъ главнокомандующаго до всякаго солдата, всѣ готовы положить свою жизнь къ защитѣ отечества и Вашего Императорскаго Величества».—А духъ народный?—«Государь! Вы должны гордиться имъ: каждый крестьянинъ—герой, преданный отечеству и Вамъ».—А дворянство?—«Государь! былъ отвѣтъ Волконскаго,—стыжусь, что принадлежу къ нему—было много словъ, а на дѣлѣ ничего».

Подобныя обобщенія, составленныя подъ живыми впечатлѣніями необычайныхъ событій, конечно, не располагали умы молодежи къ традиціоннымъ сословнымъ устоямъ, предразсудкамъ и интересамъ. Они искали новыхъ путей общественности и въ своихъ исканіяхъ естественно наталкивались на преимущества западно-европейской жизни и ея уклада; вмѣстѣ съ тѣмъ попытки самого государя въ первые годы его царствованія и планы Сперанскаго какъ бы облегчали для общественной мысли процессъ усвоенія политическихъ формъ и политическихъ идей, завоевавшихъ тогда право гражданства въ Западной Европѣ. Больше того, поведеніе Государя въ вопросѣ объ условіяхъ реставраціи Бурбоновъ, въ вопросѣ объ устройствѣ Финляндіи и особенно въ возстановленіи Польши такъ же сообщало зарождающимся въ сердцахъ передовой молодежи либеральнымъ желаніямъ не только законность, но и полную осуществимость. Въ 1814 году Государь, при первомъ свиданіи съ Людовикомъ XVIII въ Рамбулье, высказалъ твердое убѣжденіе о необходимости, при вступленіи короля на престолъ, учредить во Франціи представительное правительство. Въ слѣдующемъ году на Вѣнскомъ конгрессѣ, онъ, отстаивая либеральныя учрежденія, оспаривалъ ретроградную политику Меттерниха и Талейрана и, вопреки ихъ мнѣнію, даровалъ Польшѣ конститу-

ціонное правленіе. При открытіи Варшавскаго сейма въ 1815 году Государь произнесъ рѣчь, возбудившую неописанный восторгъ во всей мыслящей молодежи. Въ этой рѣчи, кромѣ общаго тона и смысла, особенное дѣйствіе возбуждали слѣдующія слова: «Образованіе, существовавшее въ Вашемъ краю, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, что я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій и которыхъ спасательное вліяніе, надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средства явить моему отечеству то, что я—съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости». Слова, сказанныя императоромъ въ Варшавѣ, подтверждались тѣмъ, что по его приказанію дѣйствительно изготовлялся проектъ «законно-свободныхъ учрежденій» для самой имперіи. Составленіе проекта поручено было въ 1819 году давнему довѣренному лицу Государя Н. Н. Новосильцову, который былъ въ это время императорскимъ комиссаромъ въ Польшѣ. Этотъ проектъ, подъ именемъ «государственной уставной грамоты Россійской Имперіи», былъ дальнѣйшимъ развитіемъ плановъ, какіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ императоръ поручалъ Сперанскому.

Какъ бы то ни было, цѣлый рядъ явленій подготовлялъ и питалъ въ русской образованной молодежи, пережившей событія наполеоновскихъ войнъ, жизненный интересъ къ общественнымъ вопросамъ и властно заставлялъ ее искать удовлетворительнаго ихъ разрѣшенія, съ тою цѣлью, чтобы отечество «выдвинулось изъ узкой колеи внутренняго своего быта», какъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ участниковъ послѣдующихъ событій.

IV.

Ростъ общественнаго движенія послѣ 1814 года.

Чѣмъ болѣе усиливалось и расширялось общественное броженіе, тѣмъ меньше оно встрѣчало поддержки или сочувствія въ правительственныхъ кругахъ. Мы видѣли, какъ не оправдались общественныя надежды, возлагавшіяся на либеральные замыслы кружка ближайшихъ сотрудниковъ Государя въ 1801—4 годахъ; почти такіе же результаты имѣла попытка глубокой преобразовательной политики при Сперанскомъ. Послѣ же 1815 года быстро и безповоротно выясняется, что на будущее время не можетъ быть и рѣчи о серьезныхъ преобразованіяхъ внутренняго строя въ Россіи.

Вниманіе Государя съ того времени обращено, главнымъ образомъ, на внѣшнюю политику и военныя дѣла съ одной стороны и на религіозно-мистическую жизнь съ другой. Блестящее положеніе, какое занималъ императоръ Александръ въ обще-европейской борьбѣ съ Наполеономъ и рѣшающее значеніе его на послѣдующихъ конгрессахъ увлекли его на путь реакцій европейскихъ правительствъ. Подъ внушеніями иностранныхъ и отечественныхъ ретроградовъ Государь скоро сталъ смотрѣть на себя, какъ на опору престоловъ и установившихся порядковъ противъ народныхъ волненій и революціонныхъ идей. Онъ сталъ во главѣ Священнаго Союза, практическое значеніе котораго свелось къ чисто охранительной роли, къ охраненію и упроченію «полицейскаго государства», а послѣднее, по словамъ одного нѣмецкаго писателя, «не знаетъ гражданъ отечества, а только управляетъ тупыми массами, какъ домашними животными, которымъ отмѣривается въ хлѣву свѣтъ и воздухъ, кормъ и пойло, стойло и подстилка, движеніе и отдыхъ; въ полицейскомъ государствѣ гражданинъ совершаетъ преступленіе, когда серьезно помышляетъ объ общемъ благѣ, гдѣ всеобщая трусость, какъ цѣпь обвивается кругомъ болѣзненнаго себялюбія, самоуниженія

и внутренняго разлада умовъ, которыя явились, когда умы насильственно оторваны были отъ идеальной государственной жизни». Эта форма «полицейскаго государства» надолго утвердилась въ Германіи и Австріи, а въ послѣдніе годы царствованія Александра ее старались примѣнить и къ русскимъ нравамъ, употребляя ею изобрѣтенные пріемы и прикрываясь ею выработанными представленіями о народныхъ интересахъ и государственныхъ задачахъ. Наступило глухое время, когда подняли голову люди, извлекавшіе личные выгоды изъ неподвижности жизни и мысли, когда чувствовали себя именинниками публицисты шишковскаго и карамзинскаго толка и когда сторонникамъ прогресса приходилось жутко. Въ эти годы въ качествѣ авторитетовъ въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики былъ австрійскій дипломатъ Меттернихъ, въ качествѣ всесильнаго временщика выступилъ Аркачеевъ, ревнителемъ нравственности явился Магницкій, а защитникомъ церкви признавался арх. Фотій. Вся внутренняя политика русскаго правительства стала проникаться страхомъ передъ независимымъ словомъ, передъ научнымъ изслѣдованіемъ и передъ всякимъ нововведеніемъ.

Поучительно съ этой стороны вкратцѣ напомнить судьбу такъ называемыхъ ланкастерскихъ школъ или школъ взаимнаго обученія. Школы съ такимъ названіемъ быстро распространились у насъ послѣ 1815 года. Они заимствованы были изъ Англіи и въ высшей степени соотвѣтствовали потребности въ элементарномъ обученіи, такъ какъ были очень дешевы: разъ находилось помѣщеніе, находился одинъ учитель, школа была готова для нѣсколькихъ сотъ учениковъ, вещь—невозможная при другой системѣ преподаванія. Школами этой системы увлеклись люди передового образа мыслей; они пооткрывали ихъ во многихъ городахъ и во многихъ частяхъ арміи. Сначала правительство не только не противилось развитію дѣла народнаго образованія въ этой формѣ, но всячески поощряло ланкастерскія школы. Оно явилось даже какъ бы иниціаторомъ

ихъ учрежденія и распространенія. Ими интересовался самъ императоръ; министерство внутреннихъ дѣлъ посылало особыхъ лицъ для изученія ланкастерской системы обученія за границу; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія устроился для ланкастерскихъ школъ особый комитетъ для введенія взаимнаго обученія въ школахъ, устроенныхъ для солдатскихъ дѣтей; съ поощренія правительства приготовлялись для школъ таблицы и руководства; съ разрѣшенія правительства основалось «Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія». Однако, русское правительство изъ мнимаго страха, усвоеннаго отъ западно-европейскихъ реакціонеровъ, и подъ вліяніемъ мракобѣсія, развивавшагося среди отечественныхъ защитниковъ добраго стараго времени, скоро взяло подъ надзоръ и ланкастерскія школы; скоро онѣ стали заподозрѣваться въ томъ, что служатъ разсадниками опаснаго вольнодумства, а потомъ послѣ одной исторіи на югѣ Россіи совсѣмъ прекратили существованіе. Исторія эта заключается въ слѣдующемъ. Въ Кишиневѣ, въ дивизіи, находившейся подъ командой генерала Орлова, извѣстнаго своимъ либерализмомъ, была устроена ланкастерская школа и поручена была офицеру Вл. Ф. Раевскому. Раевскій былъ человѣкъ образованный, энергичный и съ увлеченіемъ преподавалъ въ школѣ. Слу́чилось въ полку какое-то нарушеніе субординаціи; явился доносъ о существованіи нѣкоего тайнаго общества; изъ главной квартиры настоятельно потребовали открытія «заговора», и начальникъ корпуснаго штаба, ранѣе лично невзлюбившій Раевскаго, счелъ нужнымъ наброситься на ланкастерскую школу. Раевскій обвиненъ былъ въ томъ, что «задабриваетъ» солдатъ, что въ школьныхъ прописяхъ находятся имена республиканцевъ, какъ Брутъ и Кассій, и Раевскій былъ арестованъ (въ 1822 году), почти шесть лѣтъ провелъ въ тюрьмѣ, подъ четырьмя слѣдственными и судными комиссіями и, наконецъ, былъ сосланъ въ Сибирь. Въ другихъ мѣстахъ дѣло оканчивалось не такъ трагически для учителей лан-

кастерскихъ школъ, но все-таки онѣ быстро потеряли кредитъ въ глазахъ правительства и общества; а впослѣдствіи онѣ мало-по-малу были уничтожены.

На примѣрѣ ланкастерскихъ школъ, на этой попыткѣ скромной просвѣтительной работы, видно, какъ послѣ 1815 года далеко было настроеніе правительственныхъ круговъ отъ такой политики, которая могла бы обезпечить какой-либо просторъ дѣятельности лучшей части общества. Между тѣмъ, именно къ тому времени, какъ мы видѣли, образовался въ русскомъ обществѣ обширный разрядъ людей съ чувствомъ долга передъ родиной, съ большимъ запасомъ впечатлѣній отъ западно-европейской жизни и съ достаточно широкимъ пониманіемъ русской дѣйствительности. Усиленный интересъ этой части общества къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ не только не встрѣчалъ поддержки въ правящихъ сферахъ, но во всякое время могъ навлечь на себя подозрѣніе. Тогдашнее настроеніе правительства прикрывалось, на ряду съ чисто политическими соображеніями, еще густымъ налетомъ благочестія и мистицизма, и въ то же время господствующей заботой, заслонявшей крупнѣйшіе вопросы внутренняго быта, стала военная муштровка. Въ войскахъ, послѣ недолгаго періода гуманности, опять вводилась строгая, отяготительная дисциплина и преслѣдовалась образцовая фрунтовая выправка. Государь почти исключительно занимался военными дѣлами, что повело къ основанію памятныхъ русскому народу военныхъ поселеній. Въ общемъ ходѣ внутреннихъ дѣлъ продолжались неустройства, которыми русская жизнь издавна страдала и которыя должны были возбуждать все большее неудовольствіе по мѣрѣ того, какъ возникали болѣе здравыя общественныя и политическія понятія. Въ управленіи поражалъ по-прежнему произволъ, казнокрадство, подкупы и взятки, начиная отъ низшихъ вѣдомствъ и кончая высшими. Государь самъ зналъ это, ему извѣстны были примѣры самаго беззастѣнчиваго грабежа казны, но онъ считалъ это зло неустра-

нимымъ. Эти черты режима во вторую половину царствованія императора Александра I направляли умы молодежи къ мысли о воздѣйствіи на русскую жизнь помимо правительства и вопреки правительству. На ту же мысль наталкивалась молодежь и судьбою крестьянскаго вопроса. Воспроизведемъ эту судьбу въ краткихъ словахъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра I и съ ослабленіемъ той исключительной строгости, какая господствовала во всемъ при его предшественникѣ, ожили надежды немногочисленныхъ образованныхъ русскихъ людей на освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичьей власти или по крайней мѣрѣ на смягченіе этой власти. Черезъ нѣсколько дней по воцареніи Александра была найдена во дворцѣ восторженная записка В. Н. Карамзина, въ которой, между прочимъ, выражались слѣдующія чаянія отъ новаго императора: «Онъ дастъ намъ непреложные законы... онъ повелитъ въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ, достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ, и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь избытокъ своей власти, да охраняютъ святая святыхъ отечества... Онъ первый употребитъ самовластіе на обузданіе самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ человѣчеству собственными выгодами!.. Онъ обезпечитъ права человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ, введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости». Подобныя восторженныя надежды на новое царствованіе готовы были повторять всѣ благомыслящіе люди. Казалось, надежды исполняются; уже менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца по вступленіи на престолъ молодого государя было составлено по его личному желанію нѣсколько проектовъ о запрещеніи отчуждать крестьянъ безъ земли и объ ограниченіи перехода дворовыхъ изъ однихъ рукъ въ другія. Этотъ быстрый приступъ къ разрѣшенію назрѣвшаго крестьянскаго вопроса обѣщалъ болѣе коренныя мѣры. Правительственныя заявленія и мнѣнія, проекты оффиціальныхъ учре-

жденій и чиновниковъ, записки и проекты частныхъ лицъ слѣдовали одно за другимъ.

Однако, съ другой стороны нерѣшительность Государя, усиленныя старанія крѣпостниковъ и, наконецъ, недостаточное сознаніе важности вопроса даже у лучшихъ людей начала царствованія тормозило дѣло улучшенія крестьянскаго быта.

Даже въ неоффиціальномъ комитетѣ освободительныя стремленія Государя сдерживались «разсудительностью» Новосильцова; Лагарпъ давалъ наиконсервативнѣйшіе совѣты относительно крестьянскаго вопроса; Сперанскій, при всемъ ясномъ сознаніи необходимости освобожденія крѣпостного населенія Россіи, ставилъ его на второй планъ; консервативная партія протестовала противъ всякой мѣры на пользу крестьянъ, противъ всякой книги, написанной въ защиту измѣненій ихъ быта. Во вторую же половину царствованія взгляды названной партіи восторжествовали во всей правительственной политикѣ, и въ томъ числѣ въ крестьянскомъ вопросѣ. Самою важною мѣрою при Александрѣ I въ разсматриваемой области было образованіе свободныхъ хлѣбопашцевъ по указу 1803 г. По этому указу помѣщики могли съ своими крѣпостными вступать въ добровольное соглашеніе и отпускать ихъ за плату на волю цѣлыми селеніями или отдѣльными семьями, надѣливъ при этомъ землей; эти освобожденные крестьяне образовали особый разрядъ свободныхъ или вольныхъ хлѣбопашцевъ. Хотя этотъ законъ, изданный по почину гр. С. П. Румянцева былъ встрѣченъ клеветническими выходками и возраженіями со стороны крѣпостниковъ, но онъ въ сущности очень мало содѣйствовалъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Въ теченіе царствованія императора Александра I было всего 160 случаевъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости на основаніи закона 1803 года. Всего освободилось 47.153 души мужского пола, при чемъ въ первое пятилѣтіе освободилось болѣе 20 тыс. душъ, а впослѣдствіи число освобожденныхъ уменьшалось съ ка-

ждымъ годомъ. Второю важною мѣрою по крестьянскому дѣлу при Александрѣ I было освобожденіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, но безъ надѣла землей и безъ права переселенія въ другія русскія губерніи, таксе освобожденіе могло быть, конечно, плохимъ образцомъ для дальнѣйшихъ мѣропріятій по крестьянскому вопросу. Въ дѣлѣ присужденія по собственному усмотрѣнію крестьянъ къ наказаніямъ, при Александрѣ I помѣщики потеряли право подвергать ихъ наиболѣе тяжкому наказанію—отдачѣ ихъ въ катсржную работу. Другія правительственныя распоряженія, изданныя относительно быта крѣпостныхъ крестьянъ, имѣли еще меньшее значеніе. Такимъ образомъ, фактически почти ничего не было сдѣлано ни для коренного разрѣшенія крестьянскаго вопроса, ни для существенныхъ частныхъ улучшеній въ положеніи массы населенія. Цѣлый рядъ очередныхъ вопросовъ крестьянскаго быта, выдвинутыхъ наиболѣе интеллигентными представителями общества, остались открытыми. Оставались не запрещенными отчужденіе крестьянъ безъ земли и обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ; по-прежнему повинности крестьянъ относительно помѣщика оставались не ограниченными точнымъ закономъ; по-прежнему крестьяне не имѣли права на движимое имущество; помѣщичье право наказывать своихъ крѣпостныхъ (кромѣ каторги) оставалось въ силѣ; законъ 1803 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ не получилъ развитія. Слѣдовательно, несмотря на всѣ либеральныя мечтанія самого государя относительно уничтоженія крѣпостного права, въ его царствованіе было предпринято слишкомъ мало мѣръ для ограниченія этого зла русской жизни. Само собой разумѣется, что такая медленность правительства въ самомъ главномъ пунктѣ внутренней политики возбуждала недовольство въ лучшихъ представителяхъ русской интеллигенціи и въ особенности въ молодомъ поколѣніи, и это недовольство еще болѣе усиливалось вслѣдствіе того, что по крестьянскому вопросу было почти невозможно говорить въ печати. Существованіе крѣпостного

права со всѣми его злоупотребленіями и бездѣятельность правительства побуждали образованную молодежь искать для улучшенія участи крестьянъ иныхъ средствъ, кромѣ ходатайствъ предъ правительствомъ. На ряду съ чисто политическими неурядицами, крѣпостное состояніе большинства русскаго народа толкало тогдашнюю интеллигенцію на дѣятельность нелегальную, которая выразилась прежде всего въ основаніи и въ развитіи тайныхъ обществъ.

Кромѣ внутреннихъ причинъ, о которыхъ мы выше говорили, были особыя, болѣе внѣшнія условія, благопріятныя для возникновенія въ то время тайныхъ обществъ. По словамъ академика А. Н. Пыпина, конецъ XVIII и начало XIX вѣка были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ, и дѣйствительныхъ и воображаемыхъ. Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которую, между прочимъ складывались прогрессивныя стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей—ни парламентской жизни, ни свободы собраній, ни свободы печатнаго слова. Какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Россіи общія тогдашнія условія вызвали къ дѣятельности различныя кружки литературные, благотворительные, религіозные, политическіе и друг. У насъ въ Россіи еще въ XVIII вѣкѣ получили довольно крупное развитіе такъ называемые массонскія ложи, полу-тайныя и полу-таинственные религіозные кружки. Они были заподозрѣны и запрещены въ концѣ XVIII столѣтія и лишь при Александрѣ они возродились въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Послѣ 1815 года масонскія ложи воспринимаютъ элементъ, прежде неизвѣстный имъ, а именно политическій. Потребность сплотиться вмѣстѣ, ощущаемая образованною молодежью, сказывается у нихъ прежде всего въ наиболѣе привычной для того времени формѣ—въ поступленіи въ масонскія ложи. Въ послѣднихъ интересъ къ общественнымъ вопросамъ отражается, преломляясь въ своеобразной формѣ. Составъ членовъ ложъ былъ очень смѣшанный. Въ ихъ числѣ были такіе темные

мистики и суровые піэтисты, какъ школа старыхъ масоновъ екатерининской эпохи, были и озлобленные обскуранты въ родѣ Голенищева-Кутузова, сумѣвшаго написать въ 1810 году доносъ противъ якобинскаго яда въ сочиненіяхъ Карамзина (это обстоятельство не по мѣшало ему быть попечителемъ Московскаго университета); въ ихъ число попадали и «либералисты», склонные къ филантропіи смѣявшіеся надъ обскурантами и искавшія въ ложахъ скорѣе интереса политическаго. Въ составѣ ложъ мы встрѣчаемъ рядъ лицъ, основавшихъ впослѣдствіи «Союзъ благоденствія» или вступившихъ въ ряды его дѣятельныхъ членовъ. Особенно много именъ будущихъ декабристовъ и другихъ замѣтныхъ людей мы видимъ въ періодъ 1816—1819 гг. въ ложѣ «Трехъ добродѣтелей»: кн. С. Г. Волконскій, кн. С. П. Трубецкой, С. И. Муравьевъ-Апостолъ, Н. М. Муравьевъ, П. И. Пестель, П. И. Калошинъ, А. Н. Муравьевъ и др.; въ другихъ ложахъ въ различное время принимали участіе К. Рылѣевъ, Бр. Бестужевы, Кюхельбекеры, М. фонъ-Визинъ, М. Митьковъ. Г. С. Батенковъ и друг. На нынѣшній взглядъ, массонство вообще представляется какимъ-то страннымъ маскарадомъ, ни къ чему ненужнымъ ребячествомъ. Но какъ ни мало это ребячество располагало людей къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ, оно въ разсматриваемомъ нами отношеніи сыграло роль тѣмъ, что указало общественно-настроенной интеллигенціи самую форму полу-тайнаго общества и облегчило ей переходъ на опасный путь нелегальной опозиціи. Мистическая закваска масонскихъ ложъ и разработанный ритуалъ ихъ «работы», конечно, не былъ въ состояніи удовлетворить мысль и чувство молодыхъ людей либеральнаго направленія; они скоро выходятъ изъ рядовъ дѣйствующихъ масоновъ; запрещеніе ложъ въ 1822 году докончило дѣло разрыва либерализма съ масонствомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее подготовило обстановку для возникавшихъ тайныхъ обществъ.

Другимъ внѣшнимъ условіемъ, содѣйствовавшимъ то-

му, чтобы у русской молодежи возникла идея сплотиться въ тайныя общества, явились свѣдѣнія и слухи о дѣятельности Нѣмецкаго «Союза Добродѣтели» или Тугендбунда. Названный нѣмецкій союзъ фактически дѣйствовалъ очень вяло и былъ незначителенъ по своему вліянію. Но слава о немъ и страхъ реакціонныхъ правительствъ передъ нимъ были несоотвѣтственно велики. Тугендбундъ основанъ былъ въ началѣ 1808 года въ Кенигсбергѣ нѣсколькими патріотами съ разрѣшенія прусскаго короля, утвердившаго его статуты. Основатели дали своему союзу названіе «Нравственно-научнаго общества»; «цѣль общества—создать улучшеніе нравственнаго состоянія и благосостоянія прусскаго и затѣмъ нѣмецкаго народа единствомъ и общностью стремленій частныхъ людей. Средства общества—слово, письмо и примѣръ». Стремленія общества такъ соотвѣтсвовали духу тогдашнихъ реформъ въ Пруссіи, возвышавшихъ національное сознаніе, что весьма было распространено мнѣніе, считавшее знаменитаго министра Штейна не только участникомъ, но и основателемъ союза. Предполагаемое участіе Штейна много содѣйствовало репутаціи союза, который быстро распространился по всѣмъ областямъ Пруссіи, но существованіе его было непродолжительно: въ концѣ 1809 года онъ былъ уже закрытъ распоряженіемъ короля, которое послѣдовало, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, вслѣдствіе требованія Наполеона. По всей вѣроятности, тогда-же произошло не только формальное закрытіе союза, но и фактическое прекращеніе дѣятельности. Однако преувеличенная молва о Тугендбундѣ, личное знакомство русскихъ съ нѣкоторыми его членами, общее настроеніе тогдашнихъ нѣмецкихъ и русскихъ патріотовъ сдѣлали то, русскій «союзъ Благоденствія» по своей цѣли по своему складу напоминаетъ нѣмецкій союзъ Добродѣтели.

V.

Союзъ Благоденствія.

Начало «Союза Благоденствія» (называвшагося иначе «Зеленая книга») относится къ 1815—1817 гг.; въ 1817 г. это общество получило постоянную организацію съ особымъ уставомъ. По словамъ одного оффиціальнаго документа, уставъ Союза Благоденствія заключался въ слѣдующемъ: авторы устава объявили именемъ основателей Союза Благоденствія, что цѣль ихъ есть одно благо отечества, и что эта цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства; что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, будетъ трудиться втайнѣ «только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти». Члены общества дѣлились на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ первой отрасли предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, т. е. успѣхъ частной и общей благотворительности: она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, и также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во второй—умственное и нравственное образованіе, для котораго должно было дѣйствовать распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, и также дѣйствовать примѣрами доброй нравственности, разговорами и сочиненіями сообразными съ этимъ и съ цѣлью общества. Члены этой отрасли должны были наблюдать за школами, должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя, по возможности, воспитанію за границей и всякому иностранному вліянію.

Въ третьей отрасли обращалось вниманіе на дѣйствія судовъ: члены общества обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ должностей по судебной части, исправлять ихъ съ усердіемъ и точностью, сверхъ того, наблюдать за теченіемъ дѣлъ этого рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять «непреложныя правила общественнаго богатства», т. е. заниматься новой тогда наукой политической экономіи, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, «утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ».

Указанныя здѣсь цѣли союза многими изъ тогдашнихъ молодыхъ людей принимались восторженно; онѣ окрашали все ихъ настроеніе и направляли ихъ дѣятельность на необычный путь. Вотъ что разсказываетъ И. И. Пущинъ, (другъ Пушкина), который еще будучи лицеистомъ посѣщалъ кружокъ, въ которомъ собирались Александръ и Михаилъ Муравьевы, Бурцовъ, П. Колошинъ и Семеновъ. Это былъ именно кружокъ, изъ котораго въ то самое время образовалось первое тайное общество. «Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ,—говорилъ Пущинъ,—о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемаго многими втайнѣ, необыкновенно сблизили и меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ; «я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ». Въ заключеніе Бурцовъ принялъ его въ тайное общество. «Эта высокая цѣль жизни,—продолжаетъ Пущинъ,—самой своей таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою. Я какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ; сталъ внимательнѣе смо-

трѣть на жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно было имѣть благотворное свое дѣйствіе».

Если такъ чувствовалъ себя при вступленіи въ Союзъ Благоденствія юноша Пущинъ, то съ неменьшимъ сочувствіемъ къ Союзу отнесся наприм. 30-лѣтній чиновникъ государственнаго совѣта, человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, поклонникъ Штейна, ученый авторъ серьезнаго изслѣдованія «Опытъ теоріи налоговъ»; мы говоримъ о Н. И. Тургеневѣ. Онъ разсказываетъ:

«Въ концѣ 1819 года пришелъ ко мнѣ однажды князь Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя въ большія предварительно объясненія, онъ сказалъ мнѣ, что, судя потому, что онъ могъ узнать обо мнѣ и моихъ мнѣніяхъ, онъ нашелъ нужнымъ предложить мнѣ вступить въ общество, уставъ котораго онъ мнѣ при этомъ представилъ: это былъ уставъ Союза Благоденствія, о которомъ говоритъ «Донесеніе слѣдственной комиссіи» о событіяхъ 1825 года. Онъ прибавилъ, что онъ только-что передъ тѣмъ сдѣлалъ то же предложеніе одному поэту, съ которымъ я былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ; но тотъ отказался [1]). Надо замѣтить, что князь Трубецкой и съ этимъ поэтомъ былъ также не знакомъ, какъ со мной. Онъ велъ свою пропаганду съ такой откровенностью и простодушіемъ, которыя по крайней мѣрѣ доказывали, что

[1]) Поэтъ, котораго авторъ не хотѣлъ назвать, былъ вѣроятно Жуковскій, и къ этому предложенію долженъ относиться разсказъ находящійся въ запискахъ кн. Трубецкого. Упомянувъ о составленіи устава Союза Благоденствія, кн. Трубецкой говоритъ: „В. А. Жуковскій, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, еслибъ могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія; но что, къ несчастью, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы“.

въ его намѣреніяхъ не было ничего особенно опаснаго. Я пробѣжалъ уставъ. Общество ставило себѣ цѣлью общественное благо. Члены должны были раздѣляться на различные классы или отдѣлы, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ заниматься народнымъ образованіемъ, другой—юстиціей, третій—политической экономіей и финансами, и проч. Въ цѣломъ, какъ и въ различныхъ частяхъ этого проекта шла рѣчь только о теоріяхъ, намѣренія дѣйствовать, производить перемѣны въ государствѣ не сказывалось нигдѣ. Такой планъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго». Тургеневъ не думалъ, чтобы какое-нибудь общество могло найти въ Россіи необходимыя средства для осуществленія предположенной цѣли; для этого были бы нужны серьезные писатели, люди, знающіе теорію и практику дѣла,—а такихъ людей совсѣмъ не было въ Россіи: наконецъ, и здѣсь Тургенева печально поражало, что при всѣхъ этихъ благихъ намѣреніяхъ не было вовсе рѣчи объ уничтоженіи крѣпостного права. «Вообще принятый планъ обличалъ недостатокъ опытности, зрѣлости даже нѣкоторое ребячество, которое мнѣ не нравилось. Тѣмъ не менѣе, я не думалъ, что мнѣ надо послѣдовать примѣру моего друга, поэта. Я думалъ, что всякій честный человѣкъ долженъ отложить въ сторону мелкія формальныя соображенія, не устрашаться личныхъ неудобствъ и даже опасностей, если бы онѣ встрѣтились, чтобы содѣйствовать по своимъ средствамъ, всякому полезному и нравственному дѣлу. Указанный мною пробѣлъ, быть можетъ, содѣйствовалъ моему рѣшенію, потому что я тотчасъ возымѣлъ мысль привлечь вниманіе общества на крѣпостной вопросъ. Я немедленно сказалъ своему собесѣднику и, убѣдившись изъ его словъ, что онъ и его друзья одушевлены самыми лучшими намѣреніями относительно несчастныхъ крестьянъ, я почувствовалъ, что въ мою душу проникаетъ сладкая надежда, что подвинется впередъ дѣло, составлявшее постоянный предметъ моихъ мыслей».

Авторъ объясняетъ, что, впрочемъ, онъ всегда чув-

ствовалъ неохоту къ тайнымъ обществамъ,—не потому собственно, что онѣ тайныя, а потому, что онѣ вообще недѣйствительны и не могутъ достигать предполагаемыхъ ими цѣлей.

«Надо сказать однако,—продолжаетъ онъ, говоря о тогдашнемъ положеніи русскаго общества,—что тайныя общества, быть можетъ, неизбѣжны въ странѣ, какъ Россія. Только тотъ, кто жилъ въ ней, можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ трудно въ русскомъ обществѣ высказывать свои мнѣнія. Чтобы говорить свободно и безъ опасеній, надо не только заключиться въ тѣсный кружокъ, но даже хорошо выбирать лицъ, которыя его составляютъ. Только подъ этимъ условіемъ возможенъ искренній обмѣнъ идей. И потому для насъ невыразимую прелесть имѣла возможность говорить въ нашихъ собраніяхъ искренно, безъ опасенія быть дурно понятымъ и дурно истолкованнымъ, не только о предметахъ политическихъ, но и обо всякихъ предметахъ. Нашъ языкъ, который при всемъ богатствѣ и красотѣ своей носитъ на себѣ отпечатокъ дурного общественнаго устройства страны, этотъ языкъ, казалось намъ, легко служилъ для выраженія истины, идей свободы и человѣческаго достоинства; онъ облагораживался, выражая возвышенныя и благородныя понятія.

«Было бы большой ошибкой предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами: здѣсь вовсе ими не занимались. Если бы какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что здѣсь никакой заговоръ невозможенъ. Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьезное. Потомъ разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на неустройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ, на ея будущее... Здѣсь обсуждались европейскія событія и съ радостью привѣтствовались успѣхи циливизованныхъ странъ на пути къ свободѣ. Если

я когда-нибудь жилъ жизнью существъ, сознающихъ свое назначеніе и желающихъ его исполнить, то это въ особенности было въ эти рѣдкія минуты бесѣдъ съ людьми, которыхъ я видѣлъ одушевленными разумнымъ и безкорыстнымъ энтузіазмомъ къ счастію имъ подобныхъ.

«Что касается до того, какъ могли говорить въ публикѣ люди, принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ, то удивительно-ли, что, начавъ свободно мыслить, они такъ же и говорили? Но люди, говорившіе такимъ образомъ, выражались вообще съ достоинствомъ, хотя и не опасаясь не понравиться однимъ, шокировать другихъ, или компрометировать себя передъ начальствомъ. Они такъ же стали бы и писать, если бы это было имъ позволено. Они ли виноваты, если въ глазахъ людей извращенныхъ и огрубѣлыхъ, принципы нравственности казались разрушительными и дерзкими вызовами?».

Позволимъ себѣ сдѣлать еще выписку изъ воспоминаній кн. С. Г. Волконскаго, вступившаго въ 1819 году въ Союзъ, будучи генералъ-маіоромъ, 31 года. Онъ пишетъ: «Компаніи 12-го года и послѣдующихъ въ 14 г.г. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія—рѣзко выказались уму и сердцу многихъ и, какъ всякая новая идея имѣетъ коновода,—Михаилъ Орловъ (начальникъ штаба при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ) по уму и сердцу былъ этимъ коноводомъ и дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ закоренѣлыхъ недвигателей, лицъ высшаго общества, ни неусыпный и рабски усердный надзоръ полиціи явной и секретной—не клали помѣхи въ широкомъ дѣйствіи, и гдѣ съѣздъ на контракты образованныхъ людей давалъ случай узнавать людей и сѣять сѣмена прогресса политическаго. Благодаря тому, что я остановился на квартирѣ Орлова, я вошелъ въ

этотъ замѣчательный кружокъ людей, а чувства мои давно уже клонились къ проповѣдуемымъ въ ономъ истинамъ. Болѣе, нежели когда, я понялъ тогда, что преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодническаго царедворничества. Сожитіе съ столь замѣчательнымъ лицомъ, какъ Михаилъ Орловъ, кругъ людей, съ которыми я имѣлъ ежедневныя сношенія, оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій. Съ этого времени началась для меня новая жизнь. Я вступилъ въ нее съ гордымъ чувствомъ убѣжденія и долга гражданина и съ твердымъ намѣреніемъ исполнять во что бы то ни стало мой долгъ исключительно изъ любви къ отечеству».

Изъ приведенныхъ выдержекъ, а также изъ характеристики задачъ Союза видно, какъ далеки были основатели его отъ какого-бы то ни было заговора или противодѣйствія правительству. Достаточно привести еще одинъ основной параграфъ изъ «законоположенія» Союза, чтобы понять всю легальность намѣреній учредителей Союза: «Убѣдясь, что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва-ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, Союзъ Благоденствія въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцемъ предназначена».

Первоначальная главная цѣль Союза состояла въ чисто нравственномъ вліяніи; Союзъ въ глазахъ его идеалистически настроенныхъ членовъ представлялся такимъ союзомъ, который долженъ былъ бы давать нравственную поддержку ихъ личнымъ усиліямъ въ служеніи общему бла-

гу. Уставъ указывалъ цѣль, къ которой они не только могли стремиться вполнѣ законными путями, но даже именно въ видахъ правительства. Члены Союза были настроены патріотически не только въ смыслѣ жажды принести пользу родинѣ, но также и въ томъ смыслѣ, что были готовы всячески содѣйствовать національному самосознанію Россіи и вѣрили въ національныя особенности русскаго народа и русской души. Для характеристики этой черты въ стремленіяхъ членовъ Союза приведемъ слова двухъ §§ устава, касающихся личнаго участія членовъ въ воспитаніи юношества (§§ 42 и 43): «касательно частнаго воспитанія члены, имѣющіе въ ономъ участіе, т. е. воспитывающіе своихъ или чужихъ дѣтей, должны стараться внушать имъ правила добродѣтели и вѣры; воспалить въ нихъ любовь къ отечеству и ко всякому истинно доброму и великому, снабдить ихъ полезнѣйшими познаніями; словомъ, пріуготовить ихъ къ жизни добродѣтельныхъ людей, усердныхъ и полезныхъ гражданъ. При воспитаніи должны они возможно избѣгать чужестраннаго, дабы ни малѣйшее къ чужому пристрастіе не потемняло святого чувства любви къ отечеству».

Патріотическимъ и мирнымъ характеромъ Союза Благоденствія въ значительной степени объясняется, что вся его дѣятельность въ первые годы не была какой-либо тайной для широкой публики; общество, размножаясь, вовсе не представляло какого-либо тѣсно связаннаго цѣлаго, замкнутаго отъ постороннихъ лицъ. Бесѣды по общественнымъ вопросамъ, устраиваемые членами Союза, происходили на виду и безъ секрета отъ людей знакомыхъ, но не принадлежащихъ къ обществу; послѣдніе даже не вмѣшивались въ разговоръ. Самъ императоръ Александръ зналъ не только о существованіи Союза, но имена многихъ его членовъ; съ другой стороны, нѣкоторые изъ основателей Союза предполагали даже ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи Союза. Однимъ словомъ, задачи и первые шаги Союза не носили исключительно

политическаго характера и были совершенно чужды революціонныхъ стремленій.

Этимъ свойствамъ Союза какъ бы мало соотвѣтсвовало внѣшнее его устройство; довольно сложное и стройное; оно разсчитано на планомѣрную и непрерывную работу общества, направляемую строгой дисциплиной и формализмомъ. По уставу старѣйшіе члены общества или первоначально вступившіе въ него составляли «коренной союзъ», отъ котораго должно было итти распространеніе Союза по всѣмъ частямъ государства. Коренной союзъ по уставу избиралъ изъ своей среды исполнительный органъ—коренной совѣтъ изъ шести человѣкъ (I блюститель и 5 засѣдателей), ежегодно обновляемый. Коренной совѣтъ вмѣстѣ съ остальными членами союза составляли коренную управу, которой принадлежали «законодательная власть», верховное судилище и выборъ чиновниковъ». Каждый членъ коренной управы обязанъ былъ составлять союзы или собранія, дѣйствующія въ смыслѣ общества и входящія въ составъ его; эти союзы, возникавшіе по иниціативѣ членовъ коренной управы, назывались дѣловыми управами. Число членовъ этихъ управъ должно быть не менѣе 10 и не болѣе 20; дѣловыя управы имѣли право сами основывать новыя управы, которыя назывались побочными, дѣловая управа основавшая три побочныя управы, получала названіе главной. Въ сферѣ вліянія общества, хотя и внѣ его организаціи должны были находиться «вольныя общества», основанныя членами Союза для содѣйствія послѣднему. Дѣятельность и компетенція всѣхъ этихъ коренныхъ, дѣловыхъ, побочныхъ, главныхъ управъ, ихъ предсѣдателей, блюстителей, засѣдателей и другихъ «чиновниковъ», ихъ сношенія и коренныя ихъ права и обязанности, ихъ награды и наказанія,—все было очень детально предусмотрѣно въ «законоположеніи» союза.

Фактически обстояло дѣло совсѣмъ иначе: Союзъ, устроивши свое формальное основаніе, не проявлялъ никакой систематической и организованной дѣятельности: об-

щество составило свой уставъ, учредило іерархію, принимало новыхъ членовъ, но затѣмъ ничего не дѣлало. Это обстоятельство даже огорчало нѣкоторыхъ, особенно пылкихъ членовъ; они упрекали общество, что оно «дремлетъ» и ничего не дѣлаетъ. Однако, не безъ связи съ существованіемъ Союза цѣлый рядъ проявленій въ жизни и въ поведеніи отдѣльныхъ представителей образованной молодежи, проявленій, то смущавшихъ, то раздражавшихъ консерваторовъ. Мы раньше упоминали объ увлеченіи и энергіи, съ какой взялись тогдашніе интеллигентные люди за ланкастерскія школы, пооткрывали ихъ во многихъ мѣстахъ и полкахъ; въ этомъ увлеченіи принимали горячее участіе члены Союза Благоденствія, являясь предшественниками той просвѣтительной волны, какая поднялась въ нашей общественной жизни 50—60 лѣтъ спустя. Работая въ ланкастерскихъ школахъ члены Союза помнили, что одна изъ цѣлей послѣдняго «всѣми силами попирать невѣжество» и «распространять изученіе грамоты въ простомъ народѣ». Еще больше внесли члены Союза Благоденствія въ дѣло смягченія воинской дисциплины. Благодаря условіямъ времени очень многіе члены тайныхъ кружковъ были люди военные, имѣвшіе полную возможность примѣнить въ своихъ полкахъ тѣ начала гуманности и человѣческой чести, которые воодушевляли учредителей Союза. Они много содѣйствовали смягченію дисциплины и облегченію жизни солдатъ. Это уже вскорѣ стало обнаруживать свое вліяніе. Матеріальныя улучшенія и уваженіе человѣческаго достоинства въ солдатѣ со стороны ближайшихъ властей дѣйствовали самымъ благотворнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличался любимый полкъ императора Александра, семеновскій, который, по единогласнымъ разсказамъ современниковъ, представлялъ замѣчательный примѣръ, гдѣ съ точнымъ исполненіемъ службы соединялась большая порядочность нравовъ и даже извѣстное чувство гражданскаго достоинства. Въ семеновскомъ полку многіе офицеры были дѣятельнѣйшими членами Союза. То-

же было въ другихъ полкахъ. Такъ, напримѣръ, современники разсказываютъ о М. Фонъ-Визинѣ, впослѣдствіи одномъ изъ декабристовъ, который въ то время командовалъ полкомъ: когда ему дали другой полкъ, возбудившій неудовольствіе императора недостаткомъ фрунтовой выправки, Фонъ-Визинъ началъ съ того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей. Вообще, въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20.000 рублей; за то въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-й егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъявилъ Фонъ-Визину благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ такомъ же родѣ поступалъ ранѣе упомянутый нами генералъ М. Орловъ, также принадлежавшій нѣкоторое время къ тайному обществу. На фонѣ тяжкихъ воспоминаній о гатчинской муштровкѣ временъ императора Павла, на фонѣ развивающейся аракчеевщины поведеніе членовъ Союза, уничтожающихъ наиболѣе суровые обычаи казарменной жизни, было цѣлымъ подвигомъ.

Гуманность и честность отмѣчали членовъ Союза и на другихъ поприщахъ дѣятельности. Наприм. К. Ф. Рылѣевъ занималъ должность засѣдателя въ Петербургской уголовной палатѣ (по выборамъ). Своимъ безкорыстіемъ, и справедливостью онъ отличался настолько, что его имя скоро пріобрѣло извѣстность; даже въ народѣ его знали, какъ высоко-правдиваго человѣка, который всегда готовъ на помощь несчастнымъ и угнетеннымъ. Рылѣевъ не былъ тогда еще членомъ Союза, но эти качества, между прочимъ, вмѣстѣ съ его литературной дѣятельностью, обратили на него вниманіе тайнаго общества, и онъ былъ принятъ въ составъ его (въ 1823 году). Дѣятельность Рылѣева, какъ засѣдателя, прямо отвѣчала задачамъ Союза, который въ одномъ изъ §§ своего устава предписывалъ своимъ членамъ: «Члены не только не отказываются и

не уклоняются отъ должности, особенно по выборамъ дворянства, но, напротивъ, ищутъ таковыхъ мѣстъ; собственнымъ непорочнымъ и безкорыстнымъ прохожденіемъ службы оныя возвышаютъ и сохраняютъ имъ всю ихъ важность и достоинства. Строгое и ревностное исполненіе возложенныхъ по службѣ или государственныхъ обязанностей есть отличная черта членовъ Союза Благоденствія (§ 57). Тотъ же Рылѣевъ, не вступивъ еще въ Союзъ, въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ затрагивалъ общественныя и политическія темы, будилъ политическую, свободолюбивую мысль читателей. Его имя вдругъ пріобрѣло извѣстность, когда появилось первое напечатанное его стихотвореніе «Къ временщику» (1820 г.). Одинъ современникъ такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное этимъ стихотвореніемъ: «Въ томъ положеніи, въ какомъ была Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ... Этотъ приближенный вельможа и безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или осталось неизвѣстно сему невидимому Протею-Министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ, не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ... Все государство трепетало подъ желѣзной рукой любимца правителя. Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины... Нельзя представить изумленія, ужаса, даже, можно сказать, оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему: но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать

себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо... глухой шопотъ одобреній былъ наградой юнаго, правдиваго поэта». Стихотвореніе открывалось слѣдующими стихами:

„Надменный временщикъ, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ такихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!

На примѣрѣ судебной и литературной дѣятельности Рылѣева можно видѣть, что идеи и поступки тогдашнихъ передовыхъ дѣятелей, совершенно отвѣчая принципамъ Союза, въ то же время не предписывались имъ какъ-бы извнѣ; Союзъ и его принципы были выраженіемъ и объясняющимъ органомъ для «либералистовъ» тогдашняго времени.

Въ томъ же направленіи можно подмѣтить вліяніе Союза и на отношеніяхъ его членовъ къ крестьянамъ и крестьянскому вопросу. Въ самомъ уставѣ Союза членамъ его рекомендовалось человѣчное отношеніе къ своимъ крѣпостнымъ (не забудемъ, что члены Союза вербовались исключительно изъ дворянъ, т. е. владѣльцевъ душъ); распространеніе гуманныхъ взглядовъ на крестьянъ и, въ случаѣ возможности, борьба съ злоупотребленіями крѣпостного права. Союзъ Благоденствія ставилъ себѣ цѣлью употреблять всѣ усилія къ искорененію пороковъ и въ томъ числѣ «жестокостей съ подвластными». Члены Союза должны были стараться склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обращенію, доказывая, что они такіе-же люди, и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которыя дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться. Они должны были также обратить вниманіе помѣщиковъ на то, чтобы они не допускали своихъ крестьянъ «бродить по міру», и тѣхъ,

у кого болѣе такихъ нищихъ крѣпостныхъ, подвергать «сужденію соотечественниковъ», чтобы заставить владѣльцевъ подобныхъ мнѣній—взять мѣры къ прекращенію праздношатанія». Всякій членъ Союза долженъ и самъ—«въ управленіи подвластными быть добросердечнымъ и человѣколюбивымъ» и стараться доказать всѣмъ, что «жестокость съ подвластными есть дѣло безчестное, ибо участь ихъ и безъ притѣсненій заслуживаетъ не только сожалѣніе, но и всевозможное стараніе улучшить оную». Члены Союза состоящіе на службѣ по выбору дворянства или по назначенію правительства, «выхваляютъ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ добрымъ съ подвластными обхожденіемъ, а также «истребляютъпродажу крѣпостныхъ людей въ рекруты, отклоняютъ вообще отъ продажи ихъ по одиночкѣ, стараясь вразумить, что люди не суть товаръ и что только простительно однимъ народамъ, непросвѣщеннымъ свѣтомъ христіанства, почитать подобныхъ себѣ собственностью, участью коей каждый, имѣющій оную, располагать можетъ по произволенію».

Само собой разумѣется, что подобныя гуманныя мысли не могли не отражаться благотворно на положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ членамъ Союза; вмѣстѣ съ тѣмъ, эти мысли популязировались въ обществѣ. Про декабриста И. Д. Якушкина извѣстно, что когда въ 1819 году онъ заѣхалъ въ свое смоленское имѣніе, крестьяне стали просить его, чтобы онъ пріѣхалъ пожить съ ними», по ихъ словамъ, его присутствіе будетъ полезно ужъ тѣмъ, что при немъ ихъ будутъ менѣе притѣснять. Молодой помѣщикъ охотно исполнилъ эту просьбу. Первымъ распоряженіемъ его было—уменьшить на половину господскую запашку; затѣмъ многіе поборы были отмѣнены. Онъ допускалъ всѣхъ крестьянъ къ себѣ, и, по возможности, удовлетворялъ ихъ просьбы; вскорѣ отучилъ ихъ кланяться въ ноги и стоять передъ бариномъ безъ шапки, когда онъ самъ былъ въ шляпѣ. За проступки они наказывались не иначе, какъ по приговору всѣхъ

домохозяевъ. Конечно, не одинъ Якушкинъ такъ поступалъ съ своими крѣпостными. Однако, еще большее значеніе имѣло то обстоятельство, что въ средѣ членовъ Союза уже послѣ того, какъ онъ образовался, стала постепенно крѣпнуть и распространяться мысль о необходимости коренной крестьянской реформы—объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьей власти. Тотъ же Якушкинъ въ 1820 году, узнавъ о разныхъ злоупотребленіяхъ совершонныхъ въ его имѣніи однимъ чиновникомъ во время отсутствія помѣщика, былъ такъ возмущенъ, что написалъ адресъ къ императору, гдѣ излагалъ всѣ бѣдствія Россіи и предлагалъ созвать земскую думу. Адресъ этотъ, по мысли Якушкина, должны были подписать всѣ члены Союза Благоденствія; но по совѣту одного изъ членовъ общества, адресъ былъ уничтоженъ. Въ 1819 году въ Союзъ вступилъ Н. И. Тургеневъ, считавшій самою насущною государственною нуждою того времени—освобожденіе крестьянъ; эту реформу онъ ставилъ даже впереди политической реформы, встрѣчавшей тогда болѣе горячее сочувствіе среди членовъ Союза. Вступивъ въ Союзъ, Тургеневъ предложилъ, чтобы каждый членъ его далъ обязательство «сдѣлать немедленно все, что будетъ въ его власти, во-первыхъ, чтобы ослабить крѣпостное право, а затѣмъ содѣйствовать его уничтоженію. Каждый изъ васъ, обращался Тургеневъ къ своимъ новымъ товарищамъ по Союзу, владѣетъ или будетъ владѣть крѣпостными; если вы владѣете ими, дайте немедленно свободу тѣмъ, которые состоятъ въ вашемъ личномъ услуженіи, и примите мѣры для освобожденія крестьянъ, обратившись къ правительству, такъ какъ законъ позволяетъ. Такимъ образомъ, не только нѣсколькими крѣпостными будетъ меньше, но и правительство и общество увидятъ, что уважаемые помѣщики желаютъ, чтобы крѣпостные сдѣлались свободными. Тогда мысль объ эмансипаціи (освобожденіи) укрѣпится, и къ ней начнутъ привыкать. Чтобы насколько возможно подкрѣпить свою проповѣдь примѣромъ, Тургеневъ далъ тотчасъ отпускныя

своимъ слугамъ. Въ 1819 году Тургеневъ подалъ государю замѣчательную записку, въ которой предлагалъ цѣлый рядъ дѣльныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права; въ 1820 году онъ же пытался устроить для уничтоженія крѣпостного права гласное общество; онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи того проекта прекращенія продажи людей безъ земли, который разсматривался государственнымъ совѣтомъ въ 1820 году. Тургеневъ и Якушкинъ были не одиноки. Съ теченіемъ времени идеи Тургенева усваиваются многими членами названнаго общества. Членъ Союза баронъ Штейнгель написалъ записку о необходимости уничтожить продажу людей, которую и представилъ государю. Членъ Лунинъ пытался освободить своихъ крестьянъ. «Всѣ декабристы, сколько мнѣ извѣстно, говоритъ Е. Я., авторъ одной изъ статей о Рылѣевѣ, признавали необходимость освобожденія крестьянъ... относительно же способовъ освобожденія мнѣнія были различны».

Такимъ образомъ, въ различныхъ областяхъ практической дѣятельности, равно какъ и въ теоретическомъ выясненіи назрѣвшихъ нуждъ того времени члены Союза далеко опережали свою эпоху. Трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ вліяла на распространеніе передовыхъ взглядовъ самая организація Союза. Какъ бы, однако, велико ни было это вліяніе, оно было мало осязательно и мало замѣтно для самихъ членовъ. Задачи были слишкомъ обширны и, пожалуй, расплывчаты; лицъ, считавшихся членами, было очень много; между тѣмъ реакціонное направленіе правительства все рѣзче и рѣзче выяснялось, въ связи съ чѣмъ мысль и дѣятельность наиболѣе энергичныхъ членовъ все больше наталкивалась на необходимость государственнаго переустройства. Это повело къ формальному распаденію Союза Благоденствія въ 1821 году.

VI.

Двадцатые годы.

Мы уже раньше говорили, что со времени окончанія наполеоновскихъ войнъ въ правительственной внутренней политикѣ начался крутой поворотъ. Съ теченіемъ времени все меньше и меньше дѣлается попытокъ къ улучшеніямъ нашей государственной и общественной жизни, все нерѣшительнѣе и слабѣе эти рѣдкія попытки; наибольшее вниманіе государя и его сотрудниковъ обращается на дѣла внѣшнія; а въ вопросахъ внутреннихъ самымъ главнымъ считается охраненіе старинныхъ устоевъ, древняго благочестія и военной выправки. Въ соотвѣтствіи съ такимъ (преобладающимъ) теченіемъ, господами положенія становятся люди, совершенно непохожіе на первыхъ друзей императора—Кочубея, Строганова и друг. Вліятельными дѣятелями того времени становятся или люди беззастѣнчиво преслѣдующіе свои личные интересы или фанатики общественнаго застоя и реакціи. «Александръ, пишетъ его историкъ Шильдеръ, въ послѣднее 10-лѣтіе своего царствованія уже не былъ и не могъ быть Александромъ (первыхъ лѣтъ); онъ искалъ отнынѣ не смѣлыхъ реформаторовъ, а прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей внѣшняго порядка». Всѣ дѣла государственнаго управленія разсматривались и приготовлялись къ докладу въ кабинетѣ единственнаго министра «проклятаго змѣя» Аракчеева; всѣ прочіе сановники имперіи утратили свою силу и вліяніе, признавали себя безсильными вступить въ борьбу съ грубымъ, невѣжественнымъ и себялюбивымъ Аракчеевымъ. Для характеристики тогдашняго направленія достаточно вспомнить учрежденіе помянутыхъ выше военныхъ поселеній, сдѣлавшихся очень скоро ненавистными народу; между тѣмъ, государь считалъ учрежденіе этихъ поселеній однимъ изъ великихъ дѣлъ своего царствованія. Тщетно крестьяне сочиняли впослѣдствіи просьбы царю «о защитѣ хрещенаго

народа отъ Аракчеева», тщетно нѣкоторыя приближенныя лица осмѣливались возражать противъ учрежденія поселеній; Александръ оставался неумолимъ и сказалъ, что они будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова»; и дѣйствительно, ни письменныя прошенія, ни личныя просьбы, ни кровавые бунты не разубѣдили основателей поселеній въ ихъ пагубности для жизни крестьянъ и солдатъ; они считали ихъ «великимъ государственнымъ предпріятіемъ», заботами о немъ смѣнились прежніе разговоры объ уничтоженіи или смягченіи крѣпостной зависимости крестьянъ. Равнымъ образомъ прежніе планы объ изданіи для Россіи «коренныхъ» законовъ и объ учрежденіи «истинной монархіи» смѣнились страхомъ передъ революціей и систематическою борьбою съ мнимымъ обще-европейскимъ заговоромъ радикаловъ. Священный союзъ монарховъ, основанный послѣ освобожденія Европы отъ Наполеона, съ каждымъ годомъ пріобрѣталъ опредѣленную цѣль—подавить каждую попытку измѣнить существующій государственный порядокъ въ какой бы то ни было европейской странѣ. Въ 1819 году рядъ политическихъ событій въ Германіи, въ Испаніи, въ Италіи, а потомъ греческое возстаніе придали новую силу реакціоннымъ стремленіямъ. Въ 1820—21 гг. Александръ почти цѣлый годъ провелъ заграницей на конгрессахъ въ Троппау и Лейбахѣ, гдѣ окончательно поддался внушеніямъ австрійскаго дипломата Меттерниха; съ устраненіемъ же отъ дѣлъ графа Каподистріи, который энергично боролся съ вліяніемъ Меттерниха, Александръ сталъ смотрѣть на защиту существующихъ порядковъ какъ на дѣло своей жизни. Въ греческомъ вопросѣ императоръ подъ прямымъ воздѣйствіемъ Меттерниха отказался поддерживать единовѣрныхъ грековъ, возставшихъ противъ ига турокъ; между тѣмъ на сторонѣ грековъ были всеобщія симпатіи русскаго общества. Особенно сильный отзвукъ вызвало греческое возстаніе въ средѣ молодежи, членовъ Союза Благоденствія. Приведемъ

отрывокъ изъ характернаго стихотворенія, упоминаемаго нами В. Ф. Раевскаго, дѣятеля ланкастерскихъ школъ и поэта; въ этомъ стихотвореніи Раевскій призываетъ своихъ единомышленниковъ на помощь греческимъ патріотамъ:

„Простите, тамъ для васъ, друзья,
Горитъ денница на Востокѣ,
И отразилася заря
Въ шумящемъ кровію потокѣ.
Подъ сѣнь священную знаменъ
На поле славы боевое
Зоветъ васъ долгъ, добро святое;
Спѣшите, тамъ вокальный звонъ
Поколебалъ подземны своды,
Пробудитъ онъ народный сонъ
И гидру дремлющей свободы".

Чтобы не поколебать принципа власти монарховъ, Александръ уклонился отъ поддержки грековъ.

Въ 1820 году, изъ-за одной, довольно безобидной исторіи, происшедшей въ семеновскомъ полку, было повелѣно всѣхъ офицеровъ этого полка перевести въ армейскіе полки; всѣхъ нижнихъ чиновъ приказано распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, «раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе же и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ». Полкъ заново былъ укомплектованъ. Вся исторія была приписана «генеральному» зараженію умовъ, «духу времени въ Европѣ царствующему». Въ связи съ семеновской исторіей былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость человѣкъ, не имѣвшій никакого отношенія къ исторіи, а именно В. Н. Каразинъ. Шесть мѣсяцевъ несчастный томился въ мрачномъ казематѣ и затѣмъ былъ перевезенъ на жительство въ свою деревню безъ права выѣзда. «Вотъ печальный конецъ, пишетъ историкъ Шильдеръ, сношеній Александра, съ преданнѣйшимъ ему человѣкомъ, съ безкорыстнымъ идеалистомъ, одушевленнымъ фанатическимъ

желаніемъ добра своимъ гражданамъ и непоколебимою вѣрою въ возможность нравственнаго совершенства людей».

Въ 1822 году послѣдовало запрещеніе всѣхъ массонскихъ ложъ, и отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ велѣно отобрать подписки, что они впредь никогда не будутъ принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ; при этомъ была сдѣлана ссылка на «безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ».

Предоставивъ огромную власть Аракчееву, императоръ исключительно занимался внѣшними дѣлами, все же остальное время посвящая главнымъ образомъ то путешествіямъ, то бесѣдамъ о спасеніи души съ людьми, подобными архимандриту Фотію, квакерамъ и т. д. Одинъ изъ мелкихъ германскихъ князей, вспоминая прежній образъ мыслей и дѣйствій русскаго императора и сравнивая его съ поведеніемъ въ 20-е годы, выразилъ свой восторгъ въ слѣдующихъ словахъ: «Императоръ сумѣлъ побѣдить Наполеона, теперь же онъ самъ себя побѣдилъ; предстоитъ ему еще побѣдить, съ помощью Бога и Священнаго Союза, опустошительное начало революціонеровъ, будь они карбонары, этеристы, тевтоны, арминсіанцы, радикалы или какъ бы они себя ни называли».

Вслѣдъ за государемъ спѣшно побѣждали себя и «отметались» отъ прежнихъ убѣжденій различные дѣльцы. Искренняя перемѣна взглядовъ императора открывала просторъ для лицемѣрія господъ въ родѣ Магницкаго. Изъ помощниковъ Сперанскаго Магницкій, послѣ ссылки его въ 1812 году, сдѣлался поборникомъ самаго крайняго ханжества и чрезъ это овладѣлъ полнымъ довѣріемъ простодушнаго реакціонера министра народнаго просвѣщенія князя Голицына. Современники Магницкаго, къ своему крайнему удивленію, видѣли его ежеминутно возводящимъ глаза къ небу и твердящемъ при каждомъ случаѣ, кстати и некстати, о милосердіи Божіемъ, о постѣ и грѣхопаденіи. Начала, провозглашенныя Священнымъ Союзомъ, не сходили съ его устъ. Этакій господинъ былъ назначенъ по-

печителемъ казанскаго учебнаго округа. Магницкій тотчасъ принялся усердно очищать казанскій университетъ отъ всякихъ плевелъ, удаливъ на первый разъ одиннадцать профессоровъ. Обновленіе университета было довершено истребленіемъ всѣхъ книгъ библіотеки, отличавшихся, по его мнѣнію, вреднымъ направленіемъ. При немъ университетъ принялъ характеръ какого-то монашескаго средневѣковаго ордена, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, руководствуясь неограниченнымъ произволомъ; онъ отдавалъ даже безъ суда въ солдаты студентовъ, признанныхъ имъ виновными. Поощреніе же студентовъ къ доносамъ и требованіе отъ нихъ аскетическихъ обрядовъ вызвали лицемѣріе и упадокъ нравственности.

Развратъ не могъ быть глубже и плачевнѣе. Будучи казанскимъ попечителемъ, Магницкій въ то же время былъ членомъ главнаго правленія училищъ и вліялъ въ томъ же духѣ на все министерство. У Магницкаго вскорѣ стали появляться крупные и мелкіе по степени вліянія подражатели, и изъ нихъ ревностнѣе другихъ попечитель петербургскаго округа Руничъ, который сталъ по отношенію къ петербургскому университету и округу продѣлывать то, что примѣнялъ Магницкій въ Казани. Чтобы понять всю беззастѣнчивость подобныхъ дѣятелей послѣдняго пятилѣтія царствованія Александра I, достаточно сказать, что, по повелѣнію императора Николая Павловича, Магницкій въ 1826 году былъ отрѣшенъ отъ должности, а затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ высланъ въ Ревель подъ присмотръ коменданта; когда Сперанскій узналъ объ отправленіи Магницкаго въ Ревель, онъ сказалъ: «зачѣмъ послали его въ Ревель, куда съѣзжается такъ много народа для поправленія здоровья? Вѣдь онъ тамъ заразитъ воздухъ!»

Цензурныя гоненія на печать при министрахъ кн. Голицынѣ и Шишковѣ достигли анекдотическихъ размѣровъ; укажемъ лишь на одинъ фактъ: въ 1824 году было не разрѣшено къ печатанію одно сочиненіе того самого Маг-

ницкаго, о подвигахъ котораго мы только-что сказали.

Вся армія отдана была подъ негласный полицейскій надзоръ. По поводу семеновской исторіи генералъ-адъютантомъ Закревскимъ была спроектирована особая полиція; было необходимымъ признано при войскахъ «учредить на добрыхъ правилахъ особенную тайную полицію, тайную во всемъ смыслѣ и существѣ». Такая полиція организована была въ 1821 году при второй арміи на югѣ Россіи. Уже въ началѣ 1822 года начальникъ штаба 2-й арміи Киселевъ писалъ Закревскому: «секретная полиція, мною образованная въ іюлѣ 1821 года, много оказала услугъ полезныхъ, ибо много обнаружила обстоятельствъ, черезъ которыя лица и дѣла представились въ настоящемъ видѣ; духъ времени заставляетъ усилить часть сію».

И дѣйствительно, по части сыска, подозрительности, преслѣдованія и предубѣжденія противъ всякой независимой мысли и всякаго общественнаго дѣла совершенствовались различныя учрежденія и отличались отдѣльныя лица.

Очерченные порядки, прочно установившіеся къ 20-мъ годамъ прошлаго столѣтія, лишили участниковъ Союза Благоденствія почвы для мирнаго и культурнаго воздѣйствія на русскую жизнь. Неминуемо должно было произойти внутреннее разложеніе Союза; такъ и случилось. Обстоятельства времени диктовали необходимость взять болѣе рѣшительный политическій курсъ, къ которому многіе члены, конечно, не были способны по различнымъ причинамъ: одни по чувству законности, другіе по нерѣшительности; наоборотъ, энтузіасты и характеры рѣзкіе увидѣли себя вынужденными перейти отъ либерализма къ радикализму. Требовалось или съ общаго согласія преобразовать Союзъ, измѣнивъ его цѣли и средства, или, закрывъ его, учредить новое тайное общество съ ограниченнымъ составомъ членовъ и съ болѣе опредѣленной программой. Былъ избранъ второй путь.

Въ началѣ 1821 года собралось въ Москвѣ 12 членовъ, уполномоченныхъ различными отдѣлами Союза (изъ

Петербурга, изъ южной арміи и отъ Московскаго отдѣла); послѣ нѣсколькихъ совѣщаній о неудовлетворительномъ ходѣ дѣлъ они пришли къ рѣшенію закрыть Союзъ. Отчасти на такое рѣшеніе наталкивали распространившіеся слухи о томъ, что о существованіи Союза знаетъ императоръ, что онъ называлъ имена многихъ его членовъ. Слухи эти имѣли основаніе. Теперь извѣстно, что незадолго до происшествія въ семеновскомъ полку, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ получилъ доносъ о «политическомъ заговорѣ» съ спискомъ его участниковъ. Въ 1821 году, по возвращеніи государя изъ-за границы, Васильчиковъ доложилъ ему полученныя имъ свѣдѣнія.

Разсказываютъ, что государь, выслушавъ эти разоблаченія, которыя, повидимому, не были для него неожиданны, долго оставался задумчивымъ и безмолвнымъ, погрузившись въ глубокое и тихое размышленіе; потомъ онъ произнесъ слѣдующія слова, имѣющія важное историческое значеніе: «Дорогой Васильчиковъ! вы находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія; Вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія... Не мнѣ подобаетъ карать». Около этого же времени государь получилъ отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа обстоятельную записку о тайныхъ обществахъ, ихъ исторіи и личномъ составѣ. Такимъ образомъ, опасенія членовъ Союза были не безъ основанія. Хотя никакихъ преслѣдованій Союза еще не было, но ихъ можно было ожидать.

Союзъ былъ закрытъ, по постановленію московскаго съѣзда, но вмѣсто него тотчасъ начали дѣйствовать два отдѣльныхъ тайныхъ общества—Сѣверное и Южное; оба эти общества составившіяся, изъ болѣе преданныхъ членовъ Союза, были самостоятельны, но для согласованія ихъ дѣятельности ежегодно устраивались въ Петербургѣ совѣщанія уполномоченныхъ. Главными дѣйствующими членами Сѣвернаго общества были: Никита Муравьевъ, Н. И. Тургеневъ, кн. С. Трубецкой, а съ 1823 года и К. Ф. Рылѣевъ. Въ Южномъ обществѣ, образовавшемся главнѣй-

шимъ образомъ изъ членовъ второй арміи, вдохновителемъ явился командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка П. И. Пестель, сынъ бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора. Общимъ для обоихъ обществъ было сознаніе, что отъ правительства нечего ждать государственныхъ преобразованій; и потому оба общества обдумывали обстоятельства, при которыхъ имъ возможно было бы заявить свои политическія стремленія и дать имъ практическое значеніе. Въ этихъ цѣляхъ они вербовали новыхъ членовъ, вступали въ переговоры съ другими организаціями и теоретически обсуждали вопросы желательнаго съ ихъ точки зрѣнія устройства Россіи. Однако, Сѣверное общество отличалось отъ Южнаго сравнительной умѣренностью: въ сѣверномъ обществѣ преобладали конституціонно-монархическія стремленія, въ то время какъ въ Южномъ популярны были республиканскія. Повидимому, въ томъ и другомъ обществѣ было составлено и обсуждалось нѣсколько проектовъ будущаго воображаемаго государственнаго строя; изъ этихъ проектовъ болѣе или менѣе извѣстны теперь историкамъ планъ Никиты Муравьева и планъ Пестеля. По словамъ И. Д. Якушкина, проектъ Муравьева составлялся въ 1822 году, и это былъ, «вкратцѣ снимокъ съ англійской конституціи», во всякомъ случаѣ съ монархическимъ характеромъ и даже не безъ аристократическаго оттѣнка; по всей вѣроятности, этотъ проектъ былъ довольно однороденъ по принципамъ и цѣлямъ съ преобразовательными планами Сперанскаго и Новосильцова. Проектъ же Пестеля, болѣе извѣстный между членами общества подъ именемъ «Русская правда», представлялъ больше оригинальности и смѣлости; это былъ проектъ демократической республики. Не слѣдуетъ думать, что самъ Пестель вѣрилъ въ осуществимость въ Россіи республиканскаго образа правленія; своему плану онъ придавалъ значеніе лишь воспитывающее въ политическомъ смыслѣ. Далѣе замѣтимъ, что какъ Муравьевъ, такъ и Пестель предполагали развитое мѣстное самоуправленіе, что подало впослѣдствіи

поводъ къ обвиненію того и другого въ желаніи раздробить Россію на рядъ независимыхъ государствъ. Оба проекта—и Муравьева и Пестеля—окончательное рѣшеніе вопроса о переустройствѣ Россіи предоставляли учредительному собранію—земской думѣ. Оба проекта и особенно проектъ Пестеля, кромѣ чисто политической стороны, касаются также крестьянскаго вопроса, финансовой, экономической, судебной, военной и друг. частей государственнаго устройства. Въ этихъ частяхъ плановъ было предвосхищено многое то, что осуществилось въ большей или меньшей степени 30—40 лѣтъ спустя, уже въ царствованіе Александра II. Оба—Сѣверное и Южное общества для измѣненій въ указанномъ направленіи считали необходимымъ переворотъ; члены Южнаго общества, видимо, не останавливались передъ мыслью о насиліяхъ и кровопролитіи; здѣсь, въ Южномъ обществѣ, было гораздо больше, чѣмъ въ Сѣверномъ, волненія и восторженной рѣшительности, больше фантастическихъ плановъ, и горячихъ разговоровъ. Дѣятельная пропаганда членовъ Южнаго общества вызвала къ жизни еще одно общество «Славянскаго Союза» или «Соединенныхъ славянъ». Въ немъ сосредоточились по преимуществу радикальные элементы изъ среды будущихъ декабристовъ. Тѣмъ-же Южнымъ обществомъ были заведены переговоры съ нѣсколькими тайными обществами, напримѣръ, съ польскими, для чего было устроено въ 1825 году совѣщаніе (Пестель и кн. Волконскій—со стороны южнаго общества, а съ польской стороны кн. Яблоновскій, Гродецкій и Чарковскій). Были, наконецъ, попытки установить сношенія съ радикально настроенными офицерами кавказской арміи и возникала надежда увидѣть тамъ такое же тайное общество.

Несмотря на чрезвычайную рѣшительность и преданность дѣлу нѣкоторыхъ изъ членовъ тайныхъ обществъ, несмотря на опредѣленность ихъ политическихъ цѣлей, ими не было выработано никакого плана, что, понятно, стояло въ тѣсной связи съ безпочвенностью самыхъ ихъ

надеждъ. Событія 1825 года захватили тайныя общества врасплохъ.

VII.

Декабристы.

Въ послѣдній годъ царствованія Александра I о существованіи и дѣятельности тайныхъ обществъ стали поступать съ различныхъ сторонъ опредѣленные доносы и стали производиться тщательныя наблюденія. Особенно энергичнымъ и изобрѣтательнымъ въ этомъ отношеніи оказался англичанинъ Шервудъ (впослѣдствіи получившій фамилію Шервудъ-Вѣрный), унтеръ-офицеръ 3-го Украинскаго уланскаго полка. Въ іюлѣ 1825 г. Шервудъ написалъ государю письмо о томъ, что онъ имѣетъ открыть ему важный секретъ. Черезъ нѣсколько времени Шервудъ получилъ продолжительную аудіенцію у государя, изложилъ ему все, что зналъ о Южномъ обществѣ и получилъ отъ него порученіе добыть болѣе подробныя свѣдѣнія. Разъѣзжая по Россіи, пользуясь довѣрчивостью нѣкоторыхъ офицеровъ—членовъ тайнаго общества, въ кругъ которыхъ онъ еще раньше сумѣлъ проникнуть, и особенно неосторожностью офицера Вадковскаго, Шервудъ разузналъ очень много подробностей о тайныхъ обществахъ, о ихъ членахъ и намѣреніяхъ; свѣдѣнія эти были имъ представлены Аракчееву. На основаніи этихъ донесеній Шервудъ долженъ былъ съ помощью присланнаго изъ Петербурга чиновника въ ближайшемъ же будущемъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы открыть предполагаемый заговоръ. Разслѣдованія Шервуда подтверждались графомъ Виттомъ, начальникомъ южныхъ военныхъ поселеній; въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1825 года графъ Виттъ, пріѣхалъ къ государю, когда онъ былъ въ Таганрогѣ, также сообщилъ имѣвшіяся у него цѣнныя свѣдѣнія о замыслахъ тайныхъ обществъ (эти свѣдѣнія получены имъ главнымъ образомъ черезъ херсонскаго помѣщика Бошняка). Государь приказалъ графу Витту продолжать свои наблюденія и вмѣстѣ

съ тѣмъ послалъ къ Шервуду 10 ноября въ Харьковъ полковника Николаева для производства, по указанію Шервуда, необходимыхъ разслѣдованій, обысковъ и арестовъ. Въ ноябрѣ же мѣсяцѣ капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка (командиромъ котораго былъ Пестель) Майборода написалъ на Высочайшее имя письмо также со свѣдѣніями о Южномъ обществѣ и съ просьбой представиться лично государю. Письмо Майборода уже не застало въ живыхъ императора Александра: онъ умеръ въ Таганрогѣ 19 ноября.

Такимъ образомъ, ко времени смерти императора съ различныхъ сторонъ получались тревожныя свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ. Первыя распоряженія о раскрытіи ихъ и объ арестахъ ихъ членовъ сдѣланы еще Александромъ; его преемникъ еще до вступленія на престолъ, т. е. до 14 декабря принялъ рѣшительныя мѣры къ задержанію однихъ и къ надзору за другими. Безъ сомнѣнія, если бы даже не случилось военнаго мятежа 14 декабря въ Петербургѣ, возникло бы дѣло о тайныхъ обществахъ, и они были бы такъ или иначе обезврежены. Но случайное стеченіе необычныхъ обстоятельствъ придало концу тайныхъ обществъ особый роковой характеръ.

Такъ какъ у императора Александра дѣтей не было, то по закону послѣ него долженъ былъ вступить на престолъ братъ его Константинъ Павловичъ. Но еще за нѣсколько лѣтъ до кончины Александра, Константинъ Павловичъ рѣшилъ отказаться отъ престола, а въ 1822 году онъ письменно заявилъ о своемъ отказѣ въ пользу своего брата Николая. Александръ I тогда же письменно изъявилъ ему согласіе на отреченіе отъ престола, а затѣмъ составилъ особый манифестъ, въ которомъ объявилъ о добровольномъ отреченіи Константина и о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. Этотъ манифестъ, однако, не былъ обнародованъ, а написанъ въ 4 экземплярахъ, которые были положены на храненіе въ синодъ, сенатъ, Московскій Успенскій соборъ и государ-

ственный совѣтъ въ запечатанныхъ конвертахъ съ собственноручной подписью государя: «хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи». Объ этихъ документахъ зналъ и Николай Павловичъ, но, когда 27 ноябрѣ получилась изъ Таганрога вѣсть о кончинѣ императора Александра, онъ не призналъ себя въ правѣ взойти на престолъ, пока отъ Константина Павловича, жившаго въ Варшавѣ, не получится формальное отреченіе отъ престола. Тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти императора, онъ самъ присягнулъ императору Константину и привелъ къ присягѣ ему гвардію; потомъ то же сдѣлали обѣ столицы. Только черезъ двѣ недѣли (12 декабря) изъ Варшавы пришло отъ Константина оффиціальное подтвержденіе его отказа отъ престола, и только тогда Николай Павловичъ рѣшилъ объявить себя императоромъ. На 14 декабря была назначена присяга гвардейскихъ полковъ новому императору. Бывшіе въ Петербургѣ члены тайнаго общества рѣшили воспользоваться неопредѣленностью положенія, вызванной нераспубликованнымъ своевременно отреченіемъ Константина Павловича, и произвести государственный переворотъ именемъ Константина. По ихъ совѣту нѣкоторые роты гвардейскихъ полковъ (Московскаго и Гренадерскаго) отказались отъ присяги и съ оружіемъ въ рукахъ въ назначенный для присяги день собрались на сенатской площади. Попытки убѣдить возмутившихся солдатъ окончились неудачно: петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ былъ убитъ; такіе же попытки двухъ митрополитовъ, петербургскаго и кіевскаго и великаго князя Михаила Павловича были безуспѣшны. Убѣдившись въ упорствѣ бунтовщиковъ Николай I приказалъ дѣйствовать артиллеріи: бунтовщики быстро были побѣждены, мятежъ былъ подавленъ. Въ тотъ же день начались аресты заговорщиковъ.

Столь же роковымъ образомъ окончилось открытое возстаніе Черниговскаго полка (въ Кіевской губерніи), ко-

торый подъ начальствомъ члена тайнаго общества С. Муравьева-Апостола отказался присягать новому императору. Въ началѣ января Муравьевъ-Апостолъ былъ арестованъ, и возстаніе прекращено.

Назначенная императоромъ особая слѣдственная комиссія занялась тщательнымъ дознаніемъ готовившагося заговора и вообще дѣла тайныхъ обществъ. По окончаніи ея работъ особо составленный Верховный судъ нашелъ виновными 121 человѣкъ, изъ которыхъ 5 казнены (Пестель, Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ, Безстужевъ-Рюминъ и Каховскій); остальные были сосланы въ Сибирь на каторгу и въ другія мѣста заточенія. Солдаты увлеченные заговорщиками, были посланы на Кавказъ. Не привлеченные къ отвѣтственности члены тайныхъ обществъ увидѣли себя принужденными отказаться на нѣкоторое время отъ мысли быть полезными отечеству путемъ насильственнаго переворота.

